

Алексеев Сергей

Жизнь и смерть Гришатки Соколова

Из повести "История крепостного мальчика" вы узнали о безвыходной, трагической судьбе крестьян во времена крепостного права.

Не раз подымались крестьяне на борьбу против дворян и

помещиков. Но, плохо вооруженные, плохо обученные, они терпели поражения от правительственных войск.

В 1773 году вспыхнуло новое крестьянское восстание. Его возглавил смелый донской казак Емельян Иванович Пугачев. Это была самая настоящая война трудового народа против своих угнетателей и царицы Екатерины Второй. Больше года сражались отважные пугачевцы. Они одержали много славных побед, взяли много крепостей и городов. Но сил опять не хватило. В конце 1774 года восстание было подавлено. Пугачев схвачен, посажен в железную клетку и привезен в Москву. Здесь Пугачева казнили. Прошло почти двести лет. Но память о великом народном вожде не забыта.

Вот и эта повесть посвящена Пугачеву. В ней вы подружитесь с маленьким отважным пугачевцем Гришаткой Соколовым, мальчиком, который вместе со взрослыми сражался и погиб за свободу.

Глава первая. Фантазии

Глава вторая. Сокол и Соколенок

Глава третья. Великий государь

Глава четвертая. Государственное поручение

Глава пятая. Вольная птица

Глава первая

ФАНТАЗИИ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Гришатку Соколова привезли в Оренбург в начале 1773 года.

Жил Гришатка с отцом, с матерью, с дедом Тимофеем Васильевичем и сестренкой Аннушкой в селе Тоцком. За всю свою жизнь дальше Тоцкого не был. А тут на тебе - в Оренбург собирайся!

Село Тоцкое большое, приметное. Около сотни дворов, четыреста душ жителей. Божий храм на пригорке. Погост. Речка журчит Незнайка. Каменный дом купца Недосекина. Каменный дом барского управителя отставного штык-юнкера Хлыстова. Мельница. Избы. Овины. Село Тоцкое и люди, живущие в нем, принадлежали оренбургскому губернатору генерал-поручику немцу Ивану Андреевичу Рейнсдорпу. Он здесь хозяин всему, судья и всему повелитель.

Из тоцких крестьян набиралась в губернаторский дом прислуга: камердинеры, повара, лакеи. В Оренбург в услужение к барину был привезен и Гришатка.

Глянул губернатор на мальчика.

- Гут, гут*, - произнес. - Иди-ка сюда, - поманил он пальцем Гришатку.
- Подставляй свой голова.

* Г у т (нем.) - хорошо.

Гришатка подставил.

Взял губернатор трубку и чубуком Гришатку по темени стук-пристук. Стал выбивать о голову мальчика пепел. Посыпалась табачная труха, а следом за ней вылетел огонек. Припек он Гришатку.

- Ай! - не сдержался мальчик.

- Фи, какой, - поморщился генерал. - Так и знал - дурной он есть, твой голова. - И для первого знакомства отодрал Гришатку за ухо.

ВАВИЛА И ДРУГИЕ

Поселился Гришатка на первом этаже губернаторского дома в каморке у Вавилы Вязова.

Вавиле лет двадцать. Он истопник и дровокол здешний. Под лежанкой у него топоры и пилы, в каморке мрак, сырость.

Познакомился Гришатка и с другой барской прислугой. С парикмахером Алексашкой. Озорник Алексашка. В первый же день зазвал он Гришатку к себе в парикмахерский кабинет и завил мальчика.

То-то было для всех потехи.

Повстречался Гришатка и с кухонной судомойкой теткой Степанидой.

- Ой, ой, Ванечка мой из гроба явился, - заголосила Степанида. Родненький, кровинушка ты моя. - И ну обнимать, целовать и ласкать мальчика. - Ванечка! Ванечка!

Гришатка опешил. Потом-то узнал: лет десять тому назад засек до смерти Степанидиного сынка Ванечку барский управитель Хлыстов. С той поры и впала Степанида в головную болезнь - всех детей за Ванечку принимала.

Затем прибежали дворовые девки - сестры Акулька и Юлька.

- Ох, ох, из Тоцкого! - заверещали они. - Как там папенька наш, как там маменька. Ох, ох, приехал из Тоцкого!

Познакомился Гришатка и с дедом Кобылиным. Как и все, дед тоже из Тоцкого. И его, как Гришатку, привезли однажды в Оренбург. Только было это давным-давно.

Состоял Кобылин при губернаторе в камердинерах и лакеях, а потом, по преклонности лет, был удален от барских покоев и определен в водовозы. Возил он с реки Яика воду в генеральский дом для всякой хозяйственной надобности.

Была у старика и другая обязанность: пороть крепостных. Здорово это у него получалось. Врежет плеткой, словно саблей пройдетя.

- У меня талант к этому, - хвастал Кобылин. - Тут в замахе все дело.

Дед принял Гришатку добром. Завел разговор про Тоцкое.

А что рассказать Гришатке? Село как село. Недород четвертое лето. По весне голодуха. Смертей - что грибов в урожайный год.

Барский правитель Хлыстов больно лютует. Нет на него управы.

- Так, так, - поддакивает старик, а сам: - Знаю Хлыстова. Исправно ведет хозяйство. Мужуку всыпать, так это же не в помех. Откуда, думаешь, недород? Людишки ленятся - отсюда и недород. Помирают, говоришь, мужички. Эх-эх, воля на то господня.

Стал дед наставлять Гришатку уму-разуму.

- Наш-то барин - генерал и губернатор, ты смотри ему не перечь. Скажет: "Дурак", отвечай: "Так точно, ваше сиятельство". Съездит тебя по уху - лови, целуй барскую ручку. Так-то оно спокойнее, - объяснял дед Кобылин.

Рассказал Гришатка деду про встречу свою с генералом.

- Эка беда - голову припек, - ответил старик. - А ты улыбайся, словно это тебе в радость. Мал ты, Гришатка, глуп. В жизни приладиться главное. Слушай меня, в люди, даст бог, пробьешься - в лакеи, а то и выше, в самые камердинеры.

Через несколько дней Гришатку снова крикнули к генералу.

Губернатор лежал на мягком диване, на персидском ковре, раскуривал трубку.

- Нагни свой голова, - приказал генерал.

Гришатка нагнул, думал, что Рейнсдорп снова трубку начнет выбивать о темя. Однако на этот раз барин выдал ему увесистого щелчка.

- О, крепкий есть твой голова, - произнес губернатор.

Вечером у Гришатки произошел разговор с Вавилой. Поговорили о господах. Рассказал Гришатка дровоколу про трубку и про щелчок.

- Немец, как есть немец, - заявил Вавила. - У него что ни день, то новые в голове фантазии.

"КУ-КА-РЕ-КУ!"

Прав оказался Вавила.

Немало бед принял Гришатка из-за этих самых барских фантазий.

Началось с того, что Рейнсдорп решил просыпаться чуть свет, вставать с петухами. А так как петуха в губернаторском доме нет, то генерал приказал быть за голосистую птицу Гришатке.

Явился мальчик чуть свет к дверям губернаторской спальни.

- Ку-ка-ре-ку! - завопил.

Спит губернатор.

- Ку-ка-ре-ку! - заголосил еще громче Гришатка.

Не помогает.

Кукарекал, кукарекал Гришатка, голос себе сорвал.

Хоть плачь - не просыпается барин.

Позвал Гришатка на помощь Вавилу. Вместе они кукарекают. Хоть из пушек пали, спит, не просыпается генерал-губернатор. Часов в одиннадцать наконец проснулся.

- О майн гот! - закричал генерал. Схватил он Гришатку за ухо. - Не разбудил. Не разбудил. Ты есть приказа не выполнил.

- Я же будил, - начинает Гришатка. - Вот и Вавила. Сон у вас очень крепкий, ваше сиятельство.

- О, русише швайн*, - вскипел генерал. - Их бин золдат*. Их бин золдат. Я человек военный. Мышь хвостом шевельнет - я уже есть на ногах. Муха летит - я уже слышу.

* О р у с и ш е ш в а й н (нем.) - русская свинья.

* И х б и н з о л д а т (нем.) - я солдат.

Смешно от такого вранья Гришатке.

- Да вас хоть из пушек буди, ваше сиятельство.

- Что!! - заревел генерал. - Кобильин, Кобильин! Всыпать ему плетей.

Тащат Гришатку на кухню. Всыпает Кобылин ему плетей.

ГАННИБАЛ

Вздумалось Рейнсдорпу иметь при себе арапчонка. Вспомнил генерал про царя Петра Первого, что у того арапчонок был - себе захотелось. А откуда в Оренбурге и вдруг африканец, и губернатор опять за Гришатку. Вымазали мальчика сажей, Алексашка снова завил ему кудри, дали в руки опахало веер на длинной палке. Ходит Гришатка следом за Рейнсдорпом, опахалом помахивает.

Стал генерал величать Ганнибалом Гришатку, так же как и Петр Первый своего арапчонка звал.

Потешается дворня:

- Ганнибал, как есть Ганнибал!

И вот как-то в губернаторском доме был званный прием. Стали съезжаться гости.

Поставил генерал Гришатку с опахалом в руках недалеко от парадного входа. Пусть, думает, когда входят гости, смотрят они на этакое чудо, смотрят и ему, Рейнсдорпу, завидуют.

Приходят гости, смотрят, завидуют.

- Это есть Ганнибал, - объясняет губернатор каждому. - Из Африки он есть привезенный. Большая сумма гельд на него трачен.

Все шло хорошо.

Но вот какая-то дама, увидев необычного мальчика, всплеснула руками:

- Ай, какой чудный! Ай, какой милый! Ай, какой черный! Как тебя звать?

Растерялся Гришатка.

- Гришатка я, Соколов, - брякнул.

Подивилась дама, протянула к Гришатке руку, взяла пальцем за подбородок.

На пальце осталась сажа.

Ойкнула от неожиданности дама, а затем рассмеялась. Подняла она палец высоко вверх, хохочет и всем показывает.

Сконфузился генерал Рейнсдорп, покраснел, однако тут же нашелся:

- Дорогой господа, я вас сделал веселый шутка. Шутка. Веселый шутка. Ха-ха!

- Ха-ха! - дружно ответили гости.

Кончился званный прием. Разъехались гости. Кликнул барин Гришатку.

- Зачем ты есть паршивый свой рожа ей подставлял? А?! Как ты посмел Гришайтка сказать. А? Кобильин! Кобильин!

И снова Гришатку тащат на кухню. Снова Кобылин всыпает ему плетей.

ВЕЛИКИЙ ГИПНОТИЗЕР

Побывал как-то Рейнсдорп в Петербурге. Повидал там гипнотизера. Насмотрелся, как тот людей усыпляет, как в человеческое тело иглы стальные вкалывает.

Вернулся генерал в Оренбург, вызвал Гришатку.

- Я есть великий гипнотизер, - заявил.

Усадил он Гришатку на стул.

- Спи, спи, спи, - шепчет.

Не хочется вовсе Гришатке спать. Да что делать! Прикидывается, что засыпает.

Доволен губернатор - дело идет. Вот он какой ловкий гипнотизер.

Взялся за иглы. Кольнет. Не выдержит, вскрикнет Гришатка.

- Не ври, не ври. Не болит, - покрикивает генерал. И снова иглами тычет.

Намучился, настрадался Гришатка. Возвратился к себе в каморку. Тело от уколов мозжит. Голова кружится.

Шел Гришатка и вдруг увидел деда Кобылина. Заблестели озорством глаза у мальчишки. Побежал он назад к генералу.

- Ваше сиятельство, а старика Кобылина вы сможете усыпить?

- Что? Кобильина? Могу и Кобильина.

Позвали к генералу Кобылина. Усадил он деда на стул.

- Спи, спи, - шепчет.

Исполняет старик барскую волю, делает вид, что засыпает.

- Гут, гут, - произносит Рейнсдорп. Потирает от удовольствия руки. Взялся за иглы.

Увидел старик иглы - взор помутился.

Нацелился генерал, воткнул в дедово тело одну иглу, приготовил вторую.

- А-ай! - заорал старик. - Батюшка, Иван Андреевич, не губите.

- Ты что, ты что, - затопал ногой генерал. - Не болит, не болит. Я есть великий гипнотизер.

- Болит, ваше сиятельство! - кричит Кобылин. Рухнул на пол, ловит барскую руку, целует.

Сплюнул генерал от досады, отпустил старика Кобылина.

- Ох, - вздыхал Кобылин, возвращаясь от генерала. - И кто это надоумил барина, кто подсказал? Шкуру спущу со злодея.

Гришатка стоял в стороне и усмехался.

ТОЦКОЕ

Весна. Солнце выше над горизонтом. Короче ночи, длиннее дни.

Село Тоцкое. Ранний рассвет. Слабый дымок над избами. Пустынные улицы. С лаем промчался Шарик - дворовый пес купца Недосекина.

Вышел на крыльцо своего дома штык-юнкер Хлыстов. Зевнул. Потянулся.

Все как всегда.

И вдруг.

Видит Хлыстов, бегут к нему мужики. Один, второй, третий. Человек двадцать. Подбежали, шапки долой, бросились в ноги.

- Батюшка, пожалей. Не губи, батюшка!

Оказывается, Хлыстов приказал собрать с крестьян недоимки. Задолжали крестьяне барину. Кто рубль, кто два, кто зерном, кто мясом. Недород, обнищали крестьяне. В долгах по самую шею.

- Подожди, батюшка, - упрашивают мужики. - Подожди хоть немного - до нового урожая.

- Вон! - закричал Хлыстов. - Чтобы немедля! Сегодня же! За недоимки избы начну палить.

И спалил дом Серафима Холодного.

С этого и началось. Взыграла обида в мужицких душах. Ударила злоба в кровь.

- Бей супостата!

- На вилы, на вилы его! - кричал Серафим Холодный.

- В Незнайку, в Незнайку, вниз головой, - вторила Наталья Прыткова, нареченная генеральского парикмахера Алексашки.

- Рушь его собственный дом! - кричали другие крестьяне.

Хлыстов едва ноги унес. На коня - и в Оренбург к барину и губернатору.

Для наведения порядка была отправлена Рейнсдорпом в Тоцкое команда солдат во главе с офицером Гагариным. Прибыли солдаты в село.

Сгрудились мужики и бабы. У кого вилы, у кого косы, у кого дубины в руках.

Вышел вперед Серафим Холодный.

- Детушки, - обратился к солдатам. - Вы ли не наших кровей. Вам ли...

- Молчать! - закричал офицер Гагарин. - Пали в них! - подал команду.

Стрельнули солдаты. Бросился народ кто куда, в разные стороны.

На земле остались убитые. В том числе сразу и мать и отец Акульки и Юльки, девица Наталья Прыткова, Серафим Холодный и Матвей Соколов родитель, отец Гришатки.

Два дня на селе пороли крестьян. Затем команда уехала.

Похоронили крестьяне убитых. Притихли.

МЕДОВЫЙ ПРЯНИК

В губернаторском доме ждали возвращения команды офицера Гагарина. Переполошилась прислуга. Соберутся группками, шепчутся.

- Погибло Тоцкое, побьют мужиков солдаты, - произносит Вавила Вязов.

- Наташа, ягодка, убереги тебя господи, - поминает невесту свою Алексашка.

- Офицер Гагарин - служака: и виновному и безвинному всыплют солдаты, - переговариваются между собой камердинеры и лакеи.

- Ох, ох, - вздыхают Акулька и Юлька, - всыплют солдаты.

И только один старик Кобылин словно бы рад нависшей беде.

- Пусть, пусть надерут им солдаты спины. Пусть знают, как лезть на господ.

Ждут возвращения Гагарина.

Ждут день. Два. Три.

И вот Гагарин вернулся. Разнеслась по дому страшная весть. Взвыли Акулька и Юлька. В слезах весельчак Алексашка.

Гришатка навзрыд.

- Тятка, - кричит, - родненький! Тятка, миленький. Как же теперь без тебя. Как же мамка и Аннушка. Как же дедушка наш Тимофей Васильевич. Тятка, тятенька!

Понял Рейнсдорп, что команда офицера Гагарина наделала в Тоцком лишнего. Решил задобрить свою прислугу.

Акульке и Юльке выдали на кофты яркого ситчику, Алексашке рубль серебром. Гришатке медовый пряник.

- Благодетель. Заступник. В ножки нашему барину, в ножки ему, поучает дворовых старик Кобылин.

Только никто, конечно, к барину не пошел. Смотрит Гришатка на пряник.

- Тятка, - плачет, - тятенька!

- Наташа, ягодка, - голосит Алексашка.

- Папенька, папенька наш, маменька, маменька! - бьются в слезах Акулька и Юлька.

Э-эх, жизнь подневольная, жизнь горемычная! Скажите: будет ли время доброе? Наступит ли час расплаты?

Глава вторая

СОКОЛ И СОКОЛЕНОК

ЦАРСКИЕ ЗНАКИ

Царь, царь объявился. Народный заступник. Государь император Петр Третий Федорович.

Слухи эти осенью 1773 года ветром пошли гулять по Оренбургу. Говорили, что император чудом спасся от смерти, более десяти лет скитался в заморских странах, а вот теперь снова вернулся в Россию. Здесь он где-то в Оренбургских степях, на реке Яике. А главное в том, что император горой за всех обездоленных и угнетенных. Что мужикам несет он землю и волю, а барам петлю на шею.

- Быть великим делам, - шептались на улицах и перекрестках оренбургские жители.

Рад Вавила. Рад озорник Алексашка. Рады Акулька и Юлька.

- За Ваню, за Ванечку отомсти, - шепчет Степанида.

Однако нет-нет - долетают до Гришаткиных ушей и такие речи:

- Не царь он, не царь, а простой казак. Пугачев его имя. Пугачев Емельян Иванович. Родом он с Дона, из Зимовейской станицы.

Вот и дед Кобылин:

- Смутьян он, смутьян, а никакой не царь. Царя Петра Третьего Федоровича уже двенадцать лет как нет в живых. Разбойник он. Вор. Самозванец. На дыбу его, на дыбу!

Смутился Гришатка: а может, и вправду он вовсе не царь.

Однако тут одно за другим сразу.

То Вавила Вязов сказал, что в городе появилась писаная от царя-батюшки бумага.

- Манифест называется, - объяснял Вавила. - А в том манифесте: жалую вам волю-свободу, а также всю государственную и господскую землю с лесами, реками, рыбой, угодьями, травами. Во как! А снизу собственноручная подпись - государь император Петр Третий Федорович. Выходит, он и есть царь настоящий, раз манифесты пишет, - заключил Вавила.

А на следующий день Гришатка бегал на торжище и подслушал такие слова.

- Доподлинный он государь, - говорил какой-то хилый мужичонка в лаптях. - Как есть доподлинный. У него на теле царские знаки.

- Доподлинный он государь, - докладывал вечером Гришатка Акульке и Юльке. - У него на теле царские знаки.

- Ох, ох, - вздыхали Акулька и Юлька, - царские знаки.

ВСКОЛЫХНУЛСЯ ЯИК

Запыхали огнем Оренбургские степи. Всколыхнулся Яик. Из дальних и ближних мест потянулся на клич царя-избавителя несметными толпами измученный и измороженный барами люд.

Пала крепость Татищево, пала Нижне-Озерная. Без боя сдалась Чернореченская. Хлебом-солью встретили царя-батюшку Сакмарский казачий городок и татарская Каргала.

Огромная армия Пугачева подошла к Оренбургу. Обложили восставшие крепость со всех сторон. Нет ни выхода из нее, ни входа.

Забилось тревожно Гришаткино сердце. Свернется он вечером в комок на своей лежанке, размечтается.

Эх, скорее бы уж царь-батюшка взял Оренбург. Освободил бы его, Гришатку. Вернулся бы мальчик домой в свое Тоцкое.

Берегись, управитель Хлыстов! Не пожалеет его Гришатка. Сполна за всех и за все отомстит: и за отца, и за Ванечку, и за Акульку и Юльку, за Серафима Холодного, за Наталью Прыткову. За всех, за всех. Никого, ничего не забудет.

Смыкаются глаза у Гришатки.

- Господи, помоги ты ему, нашему царю-батюшке, - шепчет Гришатка и засыпает.

Заснет, и видится мальчику сон. Будто повстречал он самого государя императора Петра Третьего Федоровича.

Царь верхом на коне. В дорогом убранстве. Красная лента через плечо.

"Ах, это ты Гришатка Соколов, - произносит царь. - Тот самый, о голову которого генерал Рейнсдорп выбивает трубку. Наказать генерала. А Гришатку взять в наше вольное казацкое воинство. Выдать ему коня, пистолет и пику".

И отличается Гришатка в сражениях. Слава о нем идет по всему Оренбургскому краю, птицей летит через реки и степи.

Взыгрались во сне мысли у мальчика. Приподнялся он на лежанке, будто всадник в седле.

- Ура! Царю-батюшке слава! Вперед!

Проходил в это время мимо Вавилиной каморки дед Кобылин. Услышал он странные крики. Открыл дверцу. Увидел Гришатку. Понял, в чем дело. Подошел Кобылин к Гришатке, ремнем по мягкому месту - хватать!

СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Оренбург - грозная крепость. Это тебе не Татищево, не Нижне-Озерная. С ходу ее не возьмешь. Семьдесят пушек. Крепостной вал с частоколом. Ров. Бастионы. Солдаты.

- Ах, негодяй! Ах, разбойник! - посылал Рейнсдорп проклятия. - Ну я тебе покажу.

И вот как-то тащил Гришатка в кабинет к губернатору трубку. Открыл дверь и замер. Генерал важно ходит по комнате. У дверей - стража. В центре - человек огромного роста. Голова у человека взлохмачена, борода спутана. На теле лохмотья. На лбу и щеках "вор" выжжено. Нос выдран, одна переносица. На ногах тяжелые железные цепи.

"Колодник", - понял Гришатка.

- Так вот, братец, - говорил генерал, обращаясь к страшному человеку, - я тебе решил подарить свобода.

Колодник растерялся. Стоит как столб. Не шутит ли губернатор.

- Да, да, свобода, - повторил генерал. - Ты хочешь свобода?

- Батюшка... Отец... Ваше высокородие... - Слезы брызнули из глаз великана. Гремя кандалами, он повалился в ноги Рейнсдорпу.

- Хорошо, хорошо, - произнес генерал. - Подымись, братец. Слушай. Пойдешь в лагерь к разбойнику Пугачеву. Как свой человек. Будто бежал из крепости. А потом, - губернатор сделал паузу, - ножичком ему по шее - чик, и готово.

- Да я его, ваше превосходительство, - загудел молодчик, - в один момент. - Он взмахнул своими богатырскими руками. - Глазом не моргну, ваше сиятельство.

- Ну и хорошо, ну и хорошо, - зачастил губернатор. - Ты мне голову Вильгельмьяна Пугачева, а я те свободу. - Потом подумал. - И денег сто рублей серебром в придачу. Ты есть понял меня?

Колодник бросился целовать генеральскую руку:

- Ваше высокопревосходительство, понял, понял. Будьте покойны. Да он у меня и не пикнет. Ваше высоко...

- Ладно. Ступай, - перебил губернатор.

Когда стража и колодник ушли, Рейнсдорп самодовольно крикнул и поманил к себе Гришатку.

- Мой голова, - ткнул он пальцем себе в лоб, - всем головам есть голова. Такой хитрость никто не придумает, - и рассмеялся.

"ПОСМАТРИВАЙ! ПОСЛУШИВАЙ!"

- Посматривай! Послушивай!

- Посматривай! Послушивай!

Ходят часовые по земляному валу, перекликаются. Оберегают Оренбургскую крепость.

Раскатистый смех Рейнсдорпа еще долго стоял в ушах у Гришатки.

- Убьет, убьет колодник царя-заступника. Господи милосердный, взмолился мальчик к господу богу, - помоги. Удержи злодейскую руку. Пошли ангелочка, шепни о беде в государево ушко. Помоги, господи.

Молился Гришатка господу богу, а сам думает: "Ой, не поможет, не поможет господь!" Вспомнил Гришатка тот день, когда увозили его из Тоцкого. Тоже молился. Не помогло. Да и здесь, в Оренбурге, молился. И снова напрасно. Вернулся Гришатка к себе в каморку мрачнее тучи.

Уже вечер. Ночь наступила. Не может Гришатка уснуть. Заговорить бы с Вавилой. Да вот уже третий день, как Вавилу ночами угоняют вместе с солдатами чинить деревянные бастионы. Некому Гришатке подать совет.

И вдруг, как вспых среди ночи: бежать, немедля бежать из крепости! опередить колодника. Явиться к царю первым, рассказать обо всем. Мальчишка даже подпрыгнул на лавке.

Вскочил Гришатка, стал надевать армяк. От возбуждения и спешки трясется. Никак не может просунуть локоть в рукав.

Наконец оделся, вышел на улицу. А там: взвыл, заиграл над городом ветер. Ударил мороз. Загуляли снежные вихри. Начиналась зима.

Гришатка поежился, а сам подумал: "Ну и хорошо. Это к лучшему. Оно незаметнее". Решил он пробраться на вал - и через частокол, через ров на ту сторону.

Пробрался. Прижался к дубовым бревнам. Прислушался. Тихо.

Полез он по бревнам вверх. Добрался до края. Перекинул ноги и тело. Повис на руках. Поглубже вздохнул, зажмурил глаза. Оттолкнулся от бревен. Покатился Гришатка с вала вниз, в крепостной ров. То головой, то ногами ударится. То головой, то ногами.

Наконец остановился. Поднялся. Цел, невредим. Только шишку набил на затылке.

Глянул Гришатка на крепость. Нет ли погони. Все спокойно. Лишь:

- Посматривай! Послушивай!

- Посматривай! Послу-у-ушивай! - несетя сквозь ветер и снег.

ГОРЫНЬ-ПЕЛЕНА

Взыграла, разгулялась вьюга - метель по всему Оренбургскому краю. Темень кругом. Ветер по-разбойному свищет. Жалит лицо и руки колючими снежными иголками.

Третий час бредет Гришатка по степи. Как слепой телок тычется в разные стороны. Думал: только бежать бы из крепости, а там враз государевы люди сыщутся. А тут никого. Лишь ветер да снег. Лишь вой и гоготание бури.

Продрог, как снегирь, на ветру мальчишка.

- Ау, ау! - голосит Гришатка.

Крикнет, притихнет, слушает.

- Ау, ау! Люди добрые, где вы!

Жутко Гришатке. Сердце стучится. Озноб по телу. И чудятся мальчику разные страхи.

То не буря гуляет по полю, а ведьмы и разные чудища пустились в сказочный перепляс. То не ветер треплет полы кафтана, а вурдалаки хватают Гришатку за руки и ноги. Присвистнула, пронеслась в ступе баба-яга. Помелом провела по лицу Гришатки.

- Господи праведный, помоги. Не оставь, - шепчет мальчишка. - Геть, геть, нечистая сила!

Где-то взвыла волчица. Оборвалось Гришаткино сердце. Покатилось мячиком вниз. Повалился мальчонка на землю. Щеки в ладошки. Носом в сугроб. Не шелохнется.

Навевает метель на Гришатку горынь-пелену, словно саваном укрывает.

Встрепенулся мальчишка. Голову вскинул, ногами в землю, тело пружиной вверх.

И снова идет Гришатка. Снова ветер и снег.

- А-ау! А-ау! - срывается детский голос. Покидают силы Гришатку.

И вдруг - присмотрелся мальчонка: у самого носа снежный бугор неубранный стог залежалого сена.

- У-ух! - вырвался вздох у Гришатки.

Вырыл мальчишка в стоге нору. Залез. Надышал. Согрелся. Заснул, засопел Гришатка.

ПОПАЛСЯ

Проснулся Гришатка от шума человеческих голосов. Кто-то тронул мальчика за руку.

Открыл Гришатка глаза. Стог разворочен, рядом солдаты.

- Малец, гляньте - малец!

- Ну и дела!

- Откуда ты? - загомонили солдаты.

Подошел офицер.

- Мы его вилами, ваше благородие, чуть не пришибли, - доложили солдаты.

Был ранний рассвет. Буря утихла. Глянул Гришатка: солдаты с вилами, рядом телеги. Одна, вторая, до сотни телег. Слева и справа по полю стога. За стогами - ба, совсем рядом ров и вал Оренбурга!

Ну, с богом! Изловчился Гришатка, из бочки наружу - прыг!

Прощай, Оренбургская крепость! Честь имею, генерал-поручик Рейнсдорп!

"ПУТЬ-ДОРОГА КУДА ЛЕЖИТ?"

Прошел Гришатка версту, вторую. Забрел рассвет. Легко на душе у Гришатки. Остановится, кинет взглядом в сторону крепости и снова вперед. Идет он размашистым шагом. Версты ему нипочем.

Впереди замаячил казачий разъезд. Рванули кони навстречу путнику. Момент - и рядом с Гришаткой. Обступили удалые наездники мальчика.

- Кто будешь?

- Откуда?

- Путь-дорога куда лежит?

- К его царскому величеству государю императору Петру Третьему Федоровичу.

- Ух ты!

- К нам, значит.

- Пополнение жалует!

- А зачем тебе к государю императору?

Запнулся Гришатка, думает: сказать или нет про колодника. Ответил уклончиво:

- По секретному делу.

- Ого!

- Скажи-ка на милость!

- Он на тятку, на тятку в обиде. Тятка его отодрал. С жалобой шествует к батюшке.

- Брось зубы скалить, - оборвал балагуров высоченный детина с огромной серьгой в оттопыренном ухе. - Ступай сюда! - крикнул Гришатке. Сказывай.

Подошел Гришатка, подтянулся к уху с серьгой и зашептал про злой умысел оренбургского губернатора.

- Гей, казаки! - закричал высоченный. - Назад, в Берды, к государю!

Подхватил он Гришатку, усадил на коня к себе за спину. Взыбились кони, в разворот и ветром по чистому полю. Вцепился Гришатка в казацкий чекмень. Держится. Со страха глаза прикрылись. Дух перехватывает. Сползла на затылок Гришаткина шапка. Лицо что каленым железом прожгло. Ух ты, казацкая удасть!

Конники вступили в Берды. В Бердской слободе ставка Емельяна Ивановича Пугачева. Здесь же "царский дворец" - огромный дом, пятистенок. Резное крыльцо, ступени. На крыльце стража - государева гвардия. Молодцы на подбор, один к одному - богатыри русские.

Поравнялись с крыльцом казаки. Высоченный спрыгнул с коня. Подхватил, поставил на землю Гришатку. Потом подошел к страже, доложил что-то. И вот уже Гришатку ведут во "дворец". Переступили порог - сенцы. Впереди дубовая дверь.

Замер Гришатка.

- Ступай, - толкнув дверь, скомандовал стражник.

ОСТАНОВИЛАСЬ В ЖИЛАХ ГРИШАТКИНЫХ КРОВЬ

Входя в комнату, Гришатка зажмурил глаза. Он, царь-государь, поди, в бархате, в золоте. Не ослепнуть бы - оберегался Гришатка. Вошел мальчик в горницу и сразу бух на колени. Прижался лбом к половицам.

Лежит, не шевелится Гришатка, ждет царского слова.

- Ух ты, старый приятель! - кто-то пробасил над Гришаткой. Голос противный, Гришатке знакомый.

Вскинул мальчик глаза - господи праведный: тот самый колодник без носа перед Гришаткой.

Только не как тогда у Рейнсдорпа, не в цепях, не в лохмотьях, не со спутанной бородой. Волосы у каторжника гладко причесаны, на плечах новый зипун, искалеченный нос под тряпицей.

Растерялся Гришатка: ни взад, ни вперед, ни в крик, ни в призыв. Остановилась в жилах Гришаткиных кровь. Сердце остановилось.

"Опоздал, опоздал, вот на столечко опоздал. Совершил свое черное дело разбойник".

Но вот скрипнула дверь из соседней комнаты. Вошел человек. Смотрит Гришатка. Красный кафтан. Генеральская лента через плечо. Пистолеты за поясом. Волосы на голове подстрижены по-казачьи - горшком. Черная борода. Глаза чуть вприщур, ясные, но с хитринкой.

"Он, он, царь император", - кольнуло Гришатку.

Бросился он к вошедшему человеку.

- Государь, - завопил, - берегись, государь!

Прижался мальчик к Пугачеву, словно собой заслонить собрался.

- Стреляй, государь, стреляй! - тычет Гришатка рукой на колодника. Он из Оренбурга. Рейнсдорпом он послан.

Однако Пугачев не торопится.

- Откуда ты, дитячко?

- Стреляй, государь!

- Зачем же стрелять, - улыбается Пугачев. - Соколов это. Хлопуша по прозвищу. Повинился во всем Хлопуша. Не поднял руку на государя. Милость мою заслужил.

- Жизни не пожалею, - гаркнул колодник.

Опешил Гришатка, моргает глазами.

- Вот так-то, - произнес Пугачев. - А ты-то откуда такой?

- Из Оренбурга он, государь, - ответил вместо Гришатки Хлопуша.

- Да ну?! Ты что же, бежал?

- Бежал, - признался Гришатка.

Покосился он еще раз на Хлопушу и рассказал Пугачеву, как было.

- В бочке? Ну и дела! Хоть мал, а хитрец, вижу. А чего это у тебя волосы на голове прожжены?

Поведал Гришатка, как Рейнсдорп выбивал о его голову трубку.

- Ах, злодей! - воскликнул Пугачев. - Ну я до него доберусь. А как звать тебя, молодец?

- Соколов я, Гришатка.

- Соколов? - переспросил Пугачев. Повернулся к Хлопуше: - И ты Соколов.

- Так точно, ваше величество, - гаркнул колодник. - Соколов Афанасий.

- Ну и дела, - усмехнулся Пугачев. - Выходит, и Сокол ко мне прилетел, выходит, и Соколенок.

Глава третья

ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ

НА НОВОМ МЕСТЕ

Прошло три дня. Обжился Гришатка на новом месте. Оставили его тут же, при "царском дворце". Только не наверху, а внизу, в пристройке, на кухне у государевой поварихи Ненилы.

- Заходи, располагайся, - сказала Ненила. - Чай, и место и миска тебе найдутся.

Постригли Гришатке голову вокруг - по-казацки. Хлопуша притащил полушубок. Ненила где-то достала новые валенки. Хоть и велики валенки, хоть и плохо держатся на ногах, зато точь-в-точь такие же, как у самого царя-батюшки, - белые, кожа на задниках.

Стал Гришатка гонять по слободе. Слобода большая. И с каждым днем все больше и больше. Валит сюда народ со всех сторон. Наскоро ставят новые избы, роют землянки. Людей словно на торжище. Казаки, солдаты, татары, башкиры.

Одних мужиков - хоть море пруди.

Бежит Гришатка по бердским улицам.

- Привет казаку! - кричат пугачевцы.

- Ну как генерал Рейнсдорп?

- Скоро ли крепость сдастся?

Вернется Гришатка домой. Накормит его Ненила. Погреется мальчик и снова к казакам и солдатам.

Знают в слободе про Гришатку все: и как он был за голосистую птицу, и как в Ганнибалах ходил, и как выбивал губернатор о Гришаткино темя трубку.

Знают про Тоцкое, про лютое дело офицера Гагарина. И про Вавилу знают, и про парикмахера Алексашку, про Акульку и Юльку, про деда Кобылина.

Известнейшим человеком на всю слободу оказался Гришатка.

"Дитяtko", - называет его Ненила.

- Ух ты, прибег. Царя заслонил. Жизнь свою ни в копейку, восторгается Гришаткой Хлопуша.

- Казак, хороший будет казак, - хвалят мальчика пугачевцы.

СИНЬ-ДАЛЬ

Утро. Мороз. Градусов двадцать, но тихо, безветренно.

Поп Иван, священник пугачевского войска, приводит вновь прибывших в Берды к присяге.

Крыльцо "царского дворца". Ковер. В кресле сидит Пугачев. Рядом, ступенькой ниже, в поповской рясе поверх тулупа, свечкой застыл священник Иван. Лицо ястребиное, строгое. Перед крыльцом полукругом человек триста новеньких. Среди них и Гришатка. Все без шапок. Кто в армяке, кто в кацавейке, кто в лаптях и онучах, лишь немногие в валенках.

- Я, казак войска государева, обещаюсь и клянусь всемогущим богом... - начинает густым басом священник Иван.

- Я, казак войска государева, обещаюсь и клянусь... - в одну глотку повторяют стоящие.

- Я, казак войска государева... - шепчет Гришатка.

- Клянусь великому государю императору Петру Третьему Федоровичу служить не щадя живота своего до последней капли крови, - продолжает поп Иван.

- Клянусь великому государю... - разносится в морозном воздухе.

- Служить до последней капли крови, - повторяет Гришатка.

Проходит четверть часа. Присяга окончена.

Пугачев подымается со своего места, кланяется в пояс народу.

- Детушки! - Голос у Пугачева зычный, призывный, Гришатку аж дрожь по телу берет. - Молодые и старые. Вольные и подневольные. Русские,

а также разных иных племен. Всем вам кланяюсь челом своим государевым. Царская вам милость моя, думы мои вам и сердце.

- Долгие лета тебе, государь, - несется в ответ.

- Детушки, - продолжает Емельян Иванович. - Не мне клянесь, себе клянесь. - Голос его срывается. - Делу великому, правде великой, той, что выше всех правд на земле. В синь-даль вас зову, в жизнь-свободу. Иного пути у нас нетути. Не отступитесь же, детушки, не дрогните в сечах, не предайте же клятву сею великую.

И из сотен глоток, как жар из печи:

- Клянемся!

- Клянемся!

- Клянусь! - шепчет Гришатка.

"Уф!"

- Гришатка, Гришатка, - позвала Ненила. - Собирайся, с государем в баню пойдешь.

Собрался Гришатка. Ух ты, не каждому от батюшки подобная честь!

Баня большая, с предбанником. Фонарь с потолка свисает.

Маленькое оконце в огороды глядит.

Липовая скамья. Полка-лежанка. Котел с кипящей водой. Рядом второй, поменьше - для распаривания березовых веников. В нем квас, смешанный с мятой. Груда раскаленных камней для поддавания пара.

Раздевался Гришатка, а сам нет-нет да на государево тело взглянет. Вспомнил про царские знаки. Видит, у Пугачева на груди пониже сосков два белых сморщенных пятнышка. "Они, они", - соображает Гришатка.

Заметил Пугачев пристальный взгляд мальчика, усмехнулся:

- Смотри, смотри. Тебе такое, конечно, впервой.

Зарделся Гришатка.

- Это царские знаки?

- Так точно, - произнес Пугачев. - Каждый царь от рождения имеет такие.

- Прямо с младенчества?

- Прямо с младенчества. Как народилось царское дите, так уже и сразу в отличиях. Вот так-то, Гришатка.

Мылись долго. Пугачев хлестал себя веником. То и дело брался за ковш, тянулся к котлу, в котором квас, смешанный с мятой. Подцепит, подымет и с силой на раскаленные камни плеснет. Шарахнутся вверх и в стороны клубы ароматного пара. Квасом и мятой Гришатке в нос.

Мылся Гришатка и вдруг вспомнил, что забыл он передать великому государю поклон от Савелия Лаптева. Бухнулся мальчик на мокрый пол Пугачеву в ноги:

- Поклон тебе, великий государь, от раба божьего Савелия Лаптева.

- Что?!

- Поклон тебе, великий государь, от раба божьего Савелия Лаптева.

- Встань, встань, подымись!

Встал Гришатка, а Пугачев посмотрел куда-то поверх Гришаткиной головы и о чем-то задумался.

Было это давно, в 1758 году, во время войны с Пруссией. Донской казак Емельян Пугачев находился в далеком походе. Молод, горяч казак. Рвется в самое пекло, в самую гущу боя. Вихрем летит на врага. Колет казацкой пикой, рубит казацкой шашкой. "Бестия, истинный бестия!" - восхищаются Пугачевым товарищи.

Сдружился во время похода Пугачев с артиллерийским солдатом Савелием Лаптевым. Соберутся они, о том о сем, о жизни заговорят. Пугачев - о донских казаках. Лаптев - о смоленских крестьянах. Сам он родом оттуда. И как ни говори, как ни рассуждай, а получается, что нет жизни на Руси горше, чем жизнь крестьянина и казака-труженика.

"Эх, власть бы мне в руки, - говорил Пугачев. - Я этих бар и господ в дугу, в бараний рог крутанул бы. А мужику и рабочему люду - волю-свободу, землю и солнце. Паши, сей, живи, радуйся!"

"Ох, Омелька, быть бы тебе царем, великим государем", - отвечал на это Савелий Лаптев.

"Эка куда хватанул, - усмехнулся Пугачев. - Да разве может так, чтобы царь - и вдруг из простого народа?"

"Не бывало такого, - соглашался солдат. - Прав. Не бывало. Да мало ли чего не бывало..."

Потом судьба разлучила друзей. Прошли годы...

- Так как, говоришь, Лаптев сказал? - обратился Пугачев к Гришатке.

- Поклон тебе, великий государь... - начинает мальчик.

- Стой, стой, - прервал Пугачев. "Великий государь! - произнес про себя и подумал: - Одобряет, выходит, Лаптев. Не забыл старое. Царем величает. Ну что же, царь так царь. Держись, Емельян Иванович". - Эй, Гришатка! - закричал Пугачев. - Залезай-ка на лавку. А ну, давай я тебя по-царски.

- Да я сам, ваше величество.

- Ложись, ложись, говорю. Не упорствуй.

Намылил Пугачев Гришатке спину, натер бока до пурпурного цвета мочалой. Взялся за березовый веник. Заходило под взмахами Гришаткино тело. Разыгралась, забились в сосудах кровь.

- Вот так, вот так, - усмехаясь, приговаривает Пугачев. - Чтобы болезни и хвори к тебе не пристали. Чтобы пули тебя не брали. Чтобы рос ты, Гришатка, как дуб среди степи. Чтобы был ты не раб, а казак!

Потом Пугачев подхватил в бадейку воды. Отошел, хлестанул на Гришатку. Гришатка захлебнулся и фыркнул:

- Уф!

ШАПКА

Собралось в Берды до трех тысяч простых крестьян мужиков-лапотников. Они-то и ружья в руках никогда не держали. Многие пики не видели.

Приказал Пугачев для крестьянской части своего войска устроить учения.

Вели занятия сразу же за слободой на открытом месте. Бегают мужики в атаку. Учатся пикой владеть, в казацком седле держаться.

Тут же неподалеку установлено три щита, и на них мишени. По мишеням из ружей идет пальба.

Около стрелков крутится Гришатка. Интересно ему. Стоит смотрит.

Стараются мужики. Пугачев заявил, что лучшему стрелку будет с его царской головы шапка. Шапка дорогая, мерлушковая, с малиновым верхом. То-то бы угодить в самое яблочко.

Однако дела стрелков плохи. В щит еще кое-как попадают. А вот о большем не думай.

Намучились, намерзлись крестьяне. Стали роптать.

- Ружья кривые. Мишени далекие. На морозе руки дрожат. Попробовал бы тут сам царь-батюшка в яблочко стрельнуть.

А в это время Пугачев прибыл проверять, как идут учения, и услышал крестьянские речи.

Подъехал Емельян Иванович к стрелкам. Увидев царя, крестьяне попадали ниц.

- Встаньте, - приказал Пугачев. - Тут воинский плац, а не государевы палаты. Тут пригиб не мне, а умельцам делай.

Поднялись мужики.

- Ружья, значит, кривые?

Замялись крестьяне.

Слез Пугачев с коня.

- Ну-ка, подай сюда кривое ружьецо-то.

Подали Пугачеву ружье.

Вскинул Емельян Иванович стволину. Приклад к плечу, палец к курку бах!

- Попал, попал! В самую отметину! - заголосили крестьяне.

Взял Пугачев второе ружье - во вторую мишень. Взял третье, вскочил на коня и с ходу, с рыси - в третью. И снова в самую середину, снова навывлет.

Поразевали крестьяне рты. Остолбенели от такого умельства. И Гришатка разинул рот. "Ай да стрелок! Ай да царь-батюшка!"

Подъехал Пугачев снова к крестьянам.

- Ну как, детушки, ружья кривые или глаз ваш косит?!

- Глаз, глаз, государь! - закричали крестьяне.

- То-то, - рассмеялся Пугачев. - Как же нам с шапкой, детушки, быть?

- Твоя шапка, твоя! - кричат вперебой крестьяне. - Тебе полагается. По закону. По справедливости.

- Эн, нет, - говорит Пугачев. - А ну-ка выходи, кто смелый.

Нет смелых. Боятся стрелки при царе попасть в полный конфуз.

В это время Пугачев заметил Гришатку.

Сунул Пугачев ему в руки ружье.

- Стреляй!

Прицелился Гришатка. Руки дрожат. В глазах туман. Однако послушаться государя боится. Стрельнул.

- Попал, попал! - взвыли мужики. - Ух ты, в самую тютельку, в самое яблочко.

- Ух ты! - не удержался и сам Пугачев. Снял он со своей головы шапку.
- На, получай!

Растерялся Гришатка, как быть, не знает.

- Бери, бери! - гудят мужики. - Государь жалует.

Взял Гришатка шапку, надел, утонул по самые уши. А когда приподнял шапку, то Пугачева рядом уже и нет. Лишь снег от конских копыт клубится.

САНИ

- Эх, мало, мало у нас пушек! Ружей мало. Пороху бы нам побольше! сокрушается Емельян Иванович.

Затеял Пугачев разные хитрости. То среди ночи подвезут казаки под самый Оренбург охапки сена и распалят костры. В крепости подумают, что это подошла пугачевская армия, и откроют страшный огонь из пушек.

- Так-так, - посмеивается Пугачев. - Хорошо. Ядер у них тоже не тысячи. Пусть, пусть постреляют.

Потом стали выманивать из крепости воинские отряды.

Для этого поступали так. Подойдет пугачевский разъезд поближе к городу. А основные силы в стороне, в засаде.

Увидят в крепости, что отряд мал, откроют ворота. Вылетят конники. Пугачевцы же делают вид, что отступают. Заманивают они неприятеля. Подведут солдат к задуманному месту. А там - раз! - выскочили из засады товарищи. И неприятельский отряд либо в плену, либо порублен.

Однако в Оренбурге вскоре догадались про пугачевские хитрости.

Сколько ни ездят казаки к Оренбургу, как ни кричат, ни выманивают осажденных - никакого успеха.

Тогда Пугачев приказал запрячь в сани тройку добрых коней.

Оделся и сам поехал.

- Батюшка, да куда же ты? - взмолились пугачевские помощники. - Да видано ли дело, чтобы сам царь - и вдруг вроде как за приманку. Да пожалей ты себя. Не царское это дело. А вдруг как убьют!

- Не убьют, не убьют, детушки, - отвечал Пугачев. - Не убьют. Я замороженный. Ружья нужны нам, ружья. Нельзя нам без них.

И вот тройка у самого города.

Промчался Пугачев взад-вперед вдоль оренбургского вала.

- Эй, солдатушки! - закричал. - Вам ли против своего законного государя идти. Рушь господ, открывай ворота.

- Пугачев! - понеслось по крепости.

Подумал Рейнсдорп: "Вот так удача!"

- Эй, верховые наружу!

И снова открылись ворота, снова погоня.

Мчат царские санки лихо, во весь опор. Кони как птицы. Шеи вперед, гривы по ветру, ногами по снежному месиву цок-переецок.

Промчит Пугачев саженой сто - двести, приостановится. Подпустит погоню поближе. И снова плеткой коней.

Почуяли верховые недоброе. Остановились. Отстали. Решили вернуться назад.

- Эх, эх, пропали ружья! - сокрушается Пугачев.

Снова заворачивает он коней к Оренбургу. Снова взад-вперед у самого вала. И снова за ним погоня. И так несколько раз.

Добился все же своего Емельян Иванович, заманил правительственный отряд до задуманного места.

Выскочили пугачевцы, изрубили отряд.

- Хорошо, хорошо! - говорит Пугачев. - Вот и ружьишек штук тридцать. Да и сабли, да конская сбруя. Эхма, не царское оно, конечно, дело этак по капельке! Да ведь и море капелькой полнится.

ШАШКИ

Пугачев любил играть в шашки. Играл со своими командирами. А тут как-то надумал сыграть с Гришаткой.

- Главное, - поучал Пугачев, - чтобы в дамки пройти. Дамка, она всему полю хозяйин.

Конечно, поначалу Гришатка проигрывал Пугачеву. А потом наловчился.

И вот как-то сложилась игра так, что Гришатка первым и в дамки пролез, и шашек у него на доске больше.

Струхнул Гришатка: "А ну как царь-государь рассердится".

Сделал он вид, будто бы не замечает, что дамкой следует бить, то есть сделал Гришатка фука.

Понял Пугачев Гришаткину хитрость.

- Э, нет! - говорит. - Ты не хитри. Не гни перед сильным шапку. Бей! Не зевай! Шашки, они тем хороши, - стал рассуждать Емельян Иванович, - что тут, как на войне, словно бы ты полководец. Умен - победил. Недодумал тебя побили. Вот так-то, Гришатка.

Однако потом, когда они кончили игру и Гришатка выиграл, Пугачев вдруг заявил:

- Побил ты меня, Гришатка. Царя своего побил. Не стыдно тебе?

Смутился Гришатка, не знает, что и ответить.

А Пугачев опять укоряет:

- Побил, побил, не пожалел...

Краснел Гришатка, краснел. "Как же это понять царя-батюшку?! - И вдруг: - Э, была не была!"

- Так ведь тут как на войне... Бей! Не зевай!

- Молодец, ой молодец! - рассмеялся Пугачев. Посмотрел он пристально на Гришатку, потрепал по голове. - Башковитый. Эх, жить бы тебе в добрые времена! - Пугачев задумался. - Вот возьму власть, учиться, Гришатка, тебя пошлю. Там в Испанию или Голландию, к немцам али к французам. И станешь ты у меня первейшим человеком в науках. Про Ломоносова, чай, слышал? Ломоносовым будешь.

"Добрый царь-батюшка, - подумал Гришатка. - Добрый. Зазря я его обыграл".

КАРАТЬ ИЛИ МИЛОВАТЬ

К Пугачеву в Берды прибыла группа крестьян вместе с своим барином. Притащили помещика на суд к государю.

И вот снова крыльцо "царского дворца" как тогда, во время присяги. Кресло. Ковер. Пугачев в кресле.

Пугачев начинает допрос. Обращается то к мужикам, то к помещику:

- Ну как, детушки, лют был барин у вас?

- Лют, лют, уж больно лют, царь-государь, продыху от его лютости не было! - кричат мужики.

- Ну, а ты что скажешь, господин хороший? - обращается Пугачев к помещику.

Молчит, не отвечает помещик.

Пугачев опять к мужикам:

- А бил ли вас барин, руку к телу прикладывал?

- Бил, бил, батюшка! Собственноручно. Кожа, поди, по сей день свербит.

- Так, - произнес Пугачев и снова к помещику: - Не врут, правду сказывают мужики?

Молчит, не отзывается барин.

Лицо у Пугачева начинает багроветь. На скулах желваки проступают. Вздывается шея.

- А не забижал ли он стариков и детушек малых?

- Забижал, забижал, великий государь. Ой, как забижал! Васятку Смирнова до смерти запорол батогами. Федотку Краснова посохом покалечил. Старика и старуху Раковых, о господи, в мороз босыми гонял по снегу. Не выжили, померли Раковы.

Нечего сказать в оправдание барину. Понимает он, что не миновать ему лютой казни.

Но вдруг Пугачев смягчился, согнал с лица своего суровость.

- А может, и добрые дела есть у вашего барина? Может, забыли вы, детушки?

Видит помещик такое дело.

- Есть, есть добрые дела! - закричал он что есть силы. - Я на пасху всем по копейке жалую. На великий пост богу за души усопших поклоны бью.

- Так, так, - подбадривает Пугачев.

- Я и за вас помолюсь, - слукавил помещик, - за ваше величество...

- Да, - усмехнулся Пугачев, - вижу, и вправду много добрых дел на твоей душе. Так как же, детушки, - обратился к крестьянам, - карать мне вашего барина или миловать?

Мужики враз, как по команде, бросились Пугачеву в ноги:

- Карать, карать, батюшка. На виселицу его, дых ему в передых.

Пугачев привстал во весь рост, глянул на согнутые спины крестьян, перевел взгляд на помещика, потом на стражу свою.

Тихо. Все замерли. Ждут царского слова.

- Бог не осудит. Вздернуть! - взмахнул Пугачев рукой.

- А-ай! - завопил помещик. - Разбойник! Злодей!

- Ба-атюшка, благодетель, заступник! - кричали крестьяне.

"ПРЕШПЕКТИВНАЯ" ТРУБА

У Пугачева имелась подзорная труба.

Любил Емельян Иванович глянуть в нее - далеко видно.

Вот и сейчас. Гришатка крутился в царевой горнице. А Пугачев, приложив подзорную трубу к глазу, рассматривает, как казаки где-то на краю Бёрдской улицы устроили драку.

- Ах, паскудники, ах, лешие! - ругается Пугачев. Крикнул караульных:
- Там казаки дерутся. Разнять да всыпать зачинщикам!

То-то будет зачинщикам! Пугачев строг к непорядкам.

- Что это у тебя, государь? - спросил Гришатка, показывая на трубу.

- Инструмент оптический, - ответил Пугачев. - "Прешпективная" труба называется.

- А чего в ней видно-то?

- Все, что пожелаешь, - сказал Пугачев. - Хоть край света, хоть завтрашний день.

- Да ну! - не сдержался Гришатка. - И Тоцкое?

- Можно и Тоцкое.

Пугачев приложил трубу снова к глазу, всмотрелся и говорит:

- Вон деревеньку вижу. Церковь на взгорке. Погост. Каменный дом с крылечком.

- Так это же Тоцкое! - закричал Гришатка. - Дом управителя нашего штык-юнкера Хлыстова.

- Вон девоньку вижу. С косичкой. Маленькая такая. Букашечка, продолжает Емельян Иванович.

- Так это же Аннушка, Аннушка, сестренка моя!

- Вон деда старого вижу. С клюкой, с бородой в пол-аршина.

- Так это же дедушка наш, дедушка Тимофей Васильевич!

Потянулся Гришатка к трубе:

- Дозволь, дозволь, государь, глянуть.

- Смотри, - произнес Пугачев.

Вцепился Гришатка в трубу, ну и, конечно, никакого Тоцкого не увидел. А просто выросла перед ним крыша соседнего дома, только так, словно бы кто ее передвинул к самому Гришаткину носу.

Понял Гришатка, что Пугачев пошутил. Однако виду не подал. Понравилась ему пугачевская выдумка про магическую силу трубы.

Через несколько дней он снова выпросил у Пугачева трубу, а потом еще и еще раз. Ляжет Гришатка на лавку, один конец трубы к глазу, второй в потолок. Лежит смотрит, и возникают перед мальчиком Тоцкое, и Оренбург, и Москва, и Питер, и весь белый свет. И раскрывается перед ним та самая синь-даль и жизнь-свобода, про которую рассказывал Емельян Иванович. Нет на земле ни бар, ни господ. Не слышно стопа мужицкого. Не видно плача сиротского. Земля, и леса, и горы - все это не барское и не панское, все это работника-труженика. Эх, и жизнь: чудеса и сказка!

Заинтересовался Пугачев, чем это занят мальчишка.

- Чем ты там занят?

Рассказал Гришатка Пугачеву про то, что видел.

- Да ну! - подивился Емельян Иванович. - Синь-даль, жизнь-свободу...
- Задумался. - Эх, кабы труба не соврала! Да-а-а, зажили бы людишки на белом свете!.. А может, оно так и будет, Гришатка. Ась? Труба ведь не простая, труба - "прешпективная".

НА УРАЛ

Полюбился Хлопуше Гришатка, с самой первой встречи понравился.

Мало того что раздобыл он мальчику полушубок - как-то горсть леденцов принес, потом рубаху синего цвета, наконец притащил Нениле для Гришатки бараний бок.

- Ты что, сдурел? - набросилась стряпуха на великана. - Что, его тут голодом морят, не поят? Чай, при особе самого императора кормится...

"Безносый-то опять приходил, - рассказывала потом Ненила мальчику. Видать, люб ты ему, Гришатка".

А тут как-то явился Хлопуша с казацкой саблей.

- На, получай!

Разгорелись глаза у Гришатки. Вот это подарок!

- Что, - закричал Пугачев, увидев у мальчика саблю. - Кто сие баловство придумал?!

- Пусть, пусть позабавится дитячко, - стал упрашивать Пугачева Хлопуша. - Мальчонка же он, государь. Не забижай ты его. Они, мальчонки, все до ружья охотники.

Осталась сабля у мальчика.

Нацепит ее Гришатка, по слободе бегаёт. Сабля длинная, по снегу волочится.

- Атаман, как есть атаман! - кричат со всех сторон пугачевцы.

Нехватки в пушках, ядрах и порохе по-прежнему не давали Пугачеву покоя. "Эх, Урал, Урал-батюшка, вот бы куда податься! - размышлял Пугачев. - Прямо бы на самые железоделательные и оружейные заводы".

И вдруг нежданно-негаданно явились к Пугачеву с Урала три заводских человека.

- Государь, ждут, ждут тебя на заводах. И пушки, и ядра будут. Снаряжай-ка своих людей.

На один из заводов, на Петровский, в поселок Авзян решили послать Хлопушу.

Выслушал Хлопуша царское слово:

- Слушаюсь, батюшка.

- Ну, с богом! Ступай.

Хлопуша ушел, однако через несколько минут снова явился.

- Ну что тебе?

- Дозволь, государь, мальчонку с собою взять.

- Какого мальчонку?

- Гришатку, ваше величество.

- Да ты что, в своем ли уме, Хлопуша?

- В своем, в своем, государь. Да отпусти ты его. Ему ж в интерес. Он же мальчонка. Они, мальчонки...

Пугачев рассмеялся. Подумал. Махнул рукой.

- Ладно, быть по-твоему. Забирай, Соколов-Хлопуша. Да береги ты его, - добавил строго.

- А как же!

Уехал Гришатка.

Глава четвертая

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

ГАЛИЯ

В Авзян Хлопуша торопился как мог. Шутка ли сказать, у него государственное поручение. Сам царь-батюшка, отправляя в поход, так и сказал: "Государственное".

- А главное, - наставлял Пугачев, - привези мне мортиры. Хоть две штуки. Чтобы навесным огнем можно было стрелять по Оренбургу.

Хлопуше в сопровождение было придано пять казаков. Ехал с ним и заводской человек с Авзяна, низенький, маленький мужичонка по имени дядя Митяй.

Хлопуша и казаки едут верхом на конях. Дядя Митяй и Гришатка по-барски - в санках.

То и дело к Гришатке подъезжает Хлопуша:

- Не холодно тебе, дитячко?.. Не голодно?

На четвертый день пути отряд остановился ночевать в башкирском сельце Иргизла. Хлопуша решил здесь дать и людям и лошадям отдых. Устроили дневку.

Хлопуша, дядя Митяй и Гришатка расположились в одной юрте. Казаки - в других, по соседству.

Юрта большая, занавесками перегороджена.

Уселись ужинать. Уплетает Гришатка навар из бараньего мяса, поднял глаза кверху. Смотрит - из-за занавески выглядывает девочка. Волосы на голове черные-черные. Косички свисают. Глаза шустрые-шустрые. Из стороны в сторону бегают.

Увидела девочка, что Гришатка ее заметил, - юрк за занавеску.

Опустил Гришатка глаза. Переждал минуту, опять поднял. Видит - снова торчит из-за занавески с косичками голова. Вот опять скрылась.

Весь ужин Гришатка только и занимался тем, что глаза то в миску, то в сторону занавески, то в миску, то в сторону занавески. Даже шея заняла. А девочка то спрячется, то наружу, то спрячется, то наружу. Даже рука, что дергала занавеску, устала.

На следующий день с утра Гришатка возился около санок. Вдруг слышит за спиной кто-то пронесся верхом на лошади. Повернулся Гришатка - знакомая девочка.

Промчалась девочка в одну сторону. Развернула коня. Промчалась мимо Гришатки в другую. Потом еще и еще раз.

У Гришатки аж дух захватило. Ну и девчонка!

Наконец девочка сбавила прыть. Осадила коня рядом с Гришаткой. Спрыгнула ловко на снег. Остановилась, смотрит на мальчика.

- Как тебя звать? - обратился Гришатка.

Молчит девочка. Видимо, не понимает русскую речь.

Стал Гришатка тыкать рукой: мол, звать как тебя, девчонка?

- Га-ли-я, - наконец протянула девочка.

- А я Гришатка, - проговорил мальчик, затарабанив пальцем себе в грудки.

- Гри-шат-ка, - повторила девочка. Потом зачастила: - Шатка, Шатка, и улыбнулась.

- Да не Шатка, а Гришатка, - стал поправлять мальчик.

Однако девочка его не слушала и повторяла свое:

- Шатка. Шатка. Шатка.

Гришатка махнул рукой.

Девочка стала с любопытством рассматривать висящую на боку у мальчика саблю, и Гришатка сразу же оживился. Он вытянул наполовину клинок, потом полностью. Взмахнул, описал полукруг и с победоносным видом вскинул снова его в ножны.

Девочка не удивилась.

Гришатка повторил все снова.

И опять Галию это не поразило.

Огорчился Гришатка, думает, чем бы еще похвастать. Вспомнил про шапку. Теперь она не спадет ему на глаза. Ушила ее Ненила. Снял мальчик шапку, крутит в руках, начинает объяснять Галие, что это шапка не простая - с царской она головы, а он, Гришатка, заслужил ее за меткую стрельбу из ружей. Гришатка ого-го какой целкий!

- Пах, пах! - объясняет мальчик. - Фу ты, какая бестолковая. Пах, пах! - вскидывает он руки на манер словно стреляет.

Но вот девочка закивала головой, побежала в дом, через минуту вернулась - в руках дробовое ружье.

- Ну, поняла наконец-то.

Протянула Галия Гришатке ружье - хотел же, так стрельни.

- Куда бы стрельнуть? - рассуждает Гришатка.

А Галия схватила с его головы шапку и подбросила вверх. Вскинул Гришатка ружье - бах! Мимо.

- Тьфу ты!

Тогда ружье взяла Галия.

"Ах, так! - думает Гришатка. - Ну на - промахнись и ты". Подбросил он шапку высоко-высоко. Ушла та в небо метров на двадцать. На секунду повисла. Растопырилась зонтом и снова к земле.

В это время раздался выстрел.

Не задела дробь мерлушковые бока, не затронула - угодила в самый малиновый верх. Вышибла. Только его и видели.

- О-ох! - вырвался вздох у Гришатки.

На следующий день с рассветом отряд Хлопуши покинул сельцо Иргизлу. Едет Гришатка, голове холодно. Прикрывает он темя рукой, сокрушается:

- Эх, эх, и чего хвастал! Чего не сдержался. Царскую шапку испортил. Ну и девчонка!

ДЯДЯ МИТЯЙ

Гришаткину беду первым заметил дядя Митяй:

- Э, чего там у тебя? Чего руку-то тянешь и тянешь?

Подъехал Хлопуша. Всплеснул руками:

- Дитяtko, да где это ты?! Где же верх твой малиновый?

Гришатка молчал, не признавался. Однако потом рассказал.

- Ах она такая, разэтакая! - гудел великан. - Да как она посмела забижать государева человека? Ах, ах! Ну, мы ей покажем!

- Да я сам виноват, - пытался защититть Галию Гришатка.

Однако Хлопуша не слушал его.

- То-то я смотрю: глаза у нее так и бегают, так и бегают. Да ты не горюй, Гришатка. Мы тебе на шапку новый поставим верх. Еще лучше будет. Желаеть - атласный. Желаеть - парчовый. Хочешь, садись верхом на коня, неожиданно предложил Хлопуша.

Поменялись они местами. Рад Гришатка до смерти. Вот научится ездить верхом - берегись, Галия!

В отличие от Хлопуши, дядя Митяй оказался на редкость сварлив. То ему сено в санках плохо подмощено, то кони тихо бегут, то Гришатка все время вертится.

- Неспокойный я очень, - признавался дядя Митяй. - Душа у меня в раздражении. А почему? Жизнь извела, Гришатка.

Дядя Митяй хотя ростом и мал и с виду хил, зато по рукам сразу видать - человек рабочий. Руки у него широкие, совками, цепкие. И аппетит хороший. На первой же остановке умял целую баранью ногу и не крикнул. Куда только лезет?

- Наголодались мы на заводах, - смущаясь, объяснял дядя Митяй.

На восьмой день к вечеру, проехав с начала пути без малого триста верст, путники приблизились к поселку Авзяну.

- Тут он и будет, Петровский, рода Демидовых, наш, стало быть, завод, - сообщил дядя Митяй.

За эти дни отряд Хлопуши вырос до ста пятидесяти человек. То в степи к нему примкнуло сорок человек конных башкир, то, откуда ни возьмись, появилась целая толпа безоружных крестьян, потом в лесу, уже почти у самого Авзяна, присоединилось человек пятьдесят углежогов.

- Постой с людишками тут, - предложил дядя Митяй Хлопуше. - Заночуй. А я вмиг слетаю в Авзян, предупредить надобно.

Утром дядя Митяй вернулся.

- Сполнено, - заявил он Хлопуше. - И пушки есть, и мортиры - целых три штуки, и ядра в большом количестве. И людишки работающие нас ждут. Вот так-то.

- Благодарствую, - произнес Хлопуша.

ВЕЧНООТДАННЫЕ

Заводской люд встретил Хлопушу торжественно. И не только потому, что он был посланцем самого царя императора, но и потому, что сам Хлопуша произвел на всех огромное впечатление.

- Ух, батюшка, да и ты-то порченный! - кричали люди, завидя безносое лицо Соколова. - Видать, и тебе не сладко пришлось в жизни.

- Не сладко, не сладко, работнички, - отвечал Хлопуша. - Да что было - прошло, миновало. Нынче все круто в другую сторону. Царь Петр Федорович, долгие лета ему, нынче всех нас, сырых и битых, великий заступник. Ура царю-батюшке!

- Ура! - кричали работники.

Собралось их на заводской площади тысячи две. Изможденные, лица в дыму и копоти. Одежонка - рвань. Стоят, смотрят воспаленными глазами на огромную фигуру Хлопуши, ловят каждое слово.

Тут же на площади был оглашен манифест Пугачева. Говорилось в нем, что царь-батюшка дарует рабочим людям всякие вольности и шлет им свое царское благословение.

И снова "ура" всколыхнуло воздух.

В общей толпе Хлопуша заметил группу людей, закованных в цепи. Все людишки, как тень, а эти и вовсе: кожа да кости. Не человеки, а слезы.

- Что за народ? - обратился Хлопуша к дяде Митяю.

- Это вечноотданные, батюшка.

- Какие еще вечноотданные?!

- А это те, батюшка, которых вместо вечной ссылки в Сибирь сюда - к нам на завод. До конца своих дней так в цепях им и маяться. Из них многие к тачкам прикованы. Так и спят, так и работают. О, господи!

Нахмурилось лицо у Хлопуши.

- Эй! - закричал. - Кто здесь вечноотданные, выходи-ка сюда!

Загремели люди цепями, потянулись к Хлопуше. Собралось их человек пятьдесят.

- Люди вечноотданные, - забасил Хлопуша. - Мученики и перемученики. Голос его сорвался, из глаз проступила слеза. - Люди без роду и племени. Отцы и брательники. - Голос Хлопуши снова окреп, понесся могучим гулом. Быть вам отныне не вечно униженными, быть вам вечно свободными. На веки веков. Эй, кузнецы! Живо! Немедля оковы долой!

- Батюшка, избавитель! - бросились колодники в ноги Хлопуше.

Потом Хлопуша устроил суд над управителем Авзяно-Петровского завода. Под одобрительный гул толпы управитель был тут же повешен.

На следующий день Хлопуша стал проверять заводское хозяйство. Приказал показать ему мортиры и пушки.

И вдруг выяснилось - исчезли куда-то мортиры. Обыскали весь завод. Нет их, словно и не было.

- Были, были они! - уверяет дядя Митяй. - Как я в ночь приходил были. Их, никак, управитель куда запрятал.

- Эх ты, рано вздернули управителя! - сокрушался Хлопуша.

А вечером на Хлопушу свалилась вторая беда. Пропал куда-то Гришатка.

- Да был он, был! - разводил руками дядя Митяй. - Туточка все время крутился.

- Не уследил. Не усмотрел! - ревел Хлопуша. - Дитяtko! Где же ты, дитяtko?

БАДЬЯ

С Гришаткой случилось вот что. Крутился, крутился он возле Хлопуши и дяди Митяя, ходил, ходил по заводу, потом надоело. Пошел он бродить по улицам Авзяна. Тут его и окружили мальчишки:

- Глянь, глянь, шашка висит!

Разговорился Гришатка с ребятами. Шашку достал из ножен. Рубанул заливчатски направо, налево.

Разинули авзянские ребята рты:

- Настоящая!

Дивятся мальчишки. Это тебе не Галя. Приятно Гришатке.

Принялся Гришатка про шапку хвастать. Рассказал, что шапка с царской головы. Что за меткую стрельбу шапка ему досталась. А верх (пока нового верха у шапки не было, Хлопуша наскоро стянул мерлушковые бока ниткой) это Гришатка прострелил влет, чтобы доказать одной глупой девчонке свое умельство.

Не отстают от Гришатки ребята, ходят за ним по пятам.

- А у нас рудники есть, - вдруг заявил кудлатый, конопатый мальчишка. - Глубо-о-кие!

Побежали они смотреть рудники. На шахтах в этот день и в прошлый работы не было. По случаю приезда посланца от государя прекратил работу Авзянский завод. Подошли ребята к одной из шахт. Большая дыра в землю уходит. Над дырой, как над колодцем, на подпорках большое бревно. На бревне веревка намотана. С другой стороны веревки - бадья.

- Это для спуска вовнутрь, - стал объяснять конопатый. - Руда-то, она под землей. Саженой в полсотни. Там ее добывают, потом на завод.

Заглянул Гришатка в дыру - ничего не видно.

- Хочешь, мы тебя враз! - вдруг предложил конопатый.

Поколебался Гришатка. Да неудобно отказываться. Где же, скажут, твое геройство.

- Хочу!

Залез он в бадью. Стали ребята его спускать. Раскручивается веревка, что намотана на бревне. Придерживают ребята бревно, чтобы не очень оно вращалось.

Вот спустили Гришатку на треть, на половину, на две трети. Совсем немного осталось. И вдруг не удержали бревно ребята. Завращалось оно быстро-быстро. Не ухватишь, не остановишь. Раскрутилась веревка. Бадья внизу о породу - бах!

Обмерли ребята.

- Вытягивай, вытягивай назад! - завопил конопатый.

Стали мальчишки выкручивать из шахты бадью. Торопятся. Выкрутили. Пусто в бадье.

- Побился! Побился!

- Эй, эй, отзовись! - кричат ребята в дыру. - Отзовись!

Тихо. Нет никакого ответа.

Страшно стало ребятам.

- Перестреляют нас казаки! - закричал конопатый. - Повесит безносый. Тикай по домам - и молчок!

Поразбежались ребята.

ЗАБЫЛСЯ

Страшную ночь пережил Хлопуша. То казалось ему, что Гришатку убили, то - что ушел, заплутал Гришатка в лесу и там загрызли его волки или медведи, то вдруг чудится Хлопуше Гришаткин голос. Великан срывался со своего места и стремглав выбегал на улицу.

- Найдется, найдется мальчонка, - успокаивал Хлопушу дядя Митяй. Тут он, тут. Да куда ему деться? Не провалился же он под землю. Жив, помяни мое слово - жив!

Гришатка и вправду остался жив.

При ударе бадьи о грунт мальчик вылетел из нее наружу, стукнулся головой о какой-то камень и на время лишился сознания.

Когда Гришатка пришел в себя, была уже ночь. Мальчик привстал, пощупал руки и ноги. Боли нет. Кости целы. Лишь в голове гул и непонятная тяжесть. Гришатка принялся звать на помощь. Никто призыва его не слышал. Слева и справа от мальчика виднелись какие-то углубления. Это начинались штреки и штольни - специальные ходы, которые вели в глубь шахты. Кругом темно, сыро.

Гришатка подумал и сделал несколько шагов по одному из коридоров: "А вдруг где-то там впереди есть выход?" Коридор то суживался, то расширялся, время от времени его пересекали другие переходы. Гришатка сворачивал то налево, то направо; наконец он уперся в стену. Мальчик устал. От сырого и неприятного воздуха голова стала еще более тяжелой, и Гришатка чувствовал, как кровь ударяет в виски. Дышать становилось трудно.

Гришатка не выдержал и присел. Он машинально провел рукой по земле и вдруг натолкнулся на непонятный предмет - что-то длинное, круглое, отверстие в середине. Рядом второй такой же предмет, чуть в стороне третий.

"Так это же пушки, это мортиры! - понял Гришатка. - Ах, вот куда запрятал их управитель!" Мальчик вскочил и помчался назад. Он спотыкался, падал, подымался, снова бежал. Сколько прошло времени, Гришатка не помнил. Он очумело тыкался то в одну, то в другую сторону. Наскакивал на стены, ударялся о какие-то балки и перекрытия. Наконец, полностью обессиленный, он опять опустился на землю. В нос снова ударил едкий, противный запах. Гришатка зевнул и забылся.

"ТУТ ОНИ, ТУТ"

После бессонной ночи Хлопуша казался чернее тучи. Страшно глянуть, страшно подойти к человеку.

Облазили казаки, башкирцы и сам Хлопуша вдоль и поперек весь завод, опросили всех жителей, на конях выезжали в лес и в степь. Никаких следов, ни слуху ни духу. Словно и вовсе не приезжал на завод Гришатка.

И вот, когда, казалось, все надежды потеряны, в избу к Хлопуше ввалился плечистый, бородатый детина. Бросился в ноги.

- Не гневись, батюшка.

- Подымись, работный человек, - произнес Хлопуша.

Детина поднялся.

- Батюшка, сыскался, сыскался твой... - пришедший детина запнулся, сынок, значит.

Хлопуша вскочил, схватил детину руками за грудки, потрянул:

- Да где же он, говори!

- Играли, играли мальцы, - заторопился детина. - На руднике, на шахте. Да упустили бадью. А в бадье он, он самый - твой, значит. Мальцы с перепугу молчали. А потом Санька - мой, значит, взял и признался. Я его, батюшка, уже отодрал батогом, значит. Конопатый он у меня, до баловства дюже прыткий. Не гневись, батюшка.

К руднику Хлопуша мчал с лошадиной прытью, только пятки сверкали. Подлетел, сразу полез в бадью.

- Да куда ты, батюшка? - пытался остановить великана дядя Митяй. - Да ты тут постой, тут. Мы без тебя.

- Крути! - крикнул Хлопуша сбежавшимся людям.

Спустили Хлопушу.

- Гришатка! Дитятко! Гришатка! - кричит великан.

Тихо. Нет мальчика.

Бросился Хлопуша в подземные коридоры. Следом за ним спустились другие. С факелами, с фонарями в руках. Расползлись люди в разные стороны.

- Гришатка, Гришатка! - несется со всех сторон.

- Гришатка, дитятко! - перекрывает всех голос Хлопуши. Носится, мечется он по коридорам и переходам, словно ветер-буран в непогоду.

И вот наконец великан различил маленький, съжившийся комок - детское тельце.

- Дитятко, дитятко! Родненький. Сынок! - задышался от счастья Хлопуша. Подхватил он Гришатку на руки. - Головушка моя, рученьки, ноженьки!..

Гришатка с трудом приоткрыл глаза.

- Дядя... Афанасий...

- Я, я! - заревел Хлопуша, и слеза за слезой забила глаза.

Потащил он Гришатку к свежему воздуху, к выходу.

- Стой, стой, - прошептал Гришатка.

Хлопуша остановился.

- Мортиры.

- Что --mortиры? - не понял Хлопуша.

- Тут они, тут.

- Да ну? - только и молвил Хлопуша.

СИЛА К СИЛЕ

В тот же день-mortиры были извлечены на поверхность.

- Они, они, - говорил дядя Митяй. - Они, голубушки. Самые.

Хлопуша стал торопиться с возвращением назад в Берды к Пугачеву.

Пушки и-mortиры срочно устанавливались на колеса. На телеги грузились ядра. В заводских погребах нашелся и порох.

Пока Хлопуша был занят заводскими делами, наблюдать за Гришаткой он поручил башкирцу Хакиму.

Уедет мальчик вместе с Хакимом в степь за завод. Учит башкирец Гришатку в седле держаться, ездить шагом, рысью, в галоп. Гришатка смекалист и ловок. Он уже может и с коня на всем скаку спрыгнуть, и не слететь, если конь вздыбится, и удержаться в седле при конском прыжке через рытвину или канаву. Где нужно, Гришатка привстанет на стременах, где нужно, к шее лошадиной прижмется.

- Якши, якши, - хвалит Гришатку башкирец.

Потом Хлопуша отсыпал Гришатке пороху и выдал с полсотни пуль. Казак Ферапонт Узловой соорудил для Гришатки мишени и два дня с утра до самого вечера заставлял мальчика пулять в цель. То из положения "стоя", то "с колена", то "лежа". А затем "с ходу", с коня, как тогда стрелял сам Емельян Иванович. Настреляется Гришатка, прокоптится от дыма и пороха, набьет плечо от ружейной отдачи. Зато радость так и светится в глазах у Гришатки. Теперь не случайно, а как по заказу влетают Гришаткины пули тютелька в тютельку в самое яблочко.

- Умелец, умелец, - хвалит Гришатку казак Ферапонт Узловой.

А перед самым отбытием из Авзяна Хлопуша приказал испробовать целостность пушек. И Гришатке было разрешено выстрелить из-mortиры. Поднес Гришатка к стволу задал. Гаркнула-mortира во весь свой

пушечный дых - слушай, сбегайся народ, смотри на нового артиллериста.

Наступил час отъезда.

Многие из работных людей хотели присоединиться к Хлопуше. Однако он отобрал всего пятьдесят человек.

- Нельзя, нельзя, - отвечал остальным. - У батюшки людишек хватает. Пушек, ядер, ружей у него мало. Вы уж тут потруждайтесь. В сем ваша главная сила. Вы да мы, - добавил Хлопуша. - Сила к силе - двойная сила!

- Потруждаемся, батюшка, потруждаемся! - кричали рабочие.

Хлопуша оставил за старшего на заводе дядю Митяя.

- Ну, прощайте!

- С богом, с богом, Афанасий Тимофеевич!

КОСИЧКИ ВРАЗЛЕТ

Гришатка теперь ехал не в санках, а по-казацки - верхом. Пришпорит он сивку-бурку - своего удалого коня, вихрем по степи промчится. Смотрит, любитесь на Гришатку Хлопуша.

В башкирском сельце Иргизле Хлопуша снова устроил дневку.

- Ну, где твоя Галия? Вот мы сейчас ей покажем.

- Дядя Афанасий, - взмолился Гришатка.

- Ладно, ладно, сынок.

- Шатка, Шатка! - закричала Галия, увидев мальчика. Закричала и покраснела.

Снова ели навар из бараньего мяса, долго сидели в юрте, вели разговоры. На сей раз Галия не пряталась за занавеску. Она то исчезала куда-то, то возвращалась вновь, приносила на огромных мисках-подносах еду. А Гришатке подсунула такой здоровенный кусок жирного мяса, что и дядя Митяй с таким бы не справился.

На следующий день Гришатка и Галия сели верхом на коней и уехали в степь. Хотел было Гришатка похвастать девочке про стрельбу и про пушку. Однако сдержался.

Ехали они рядом. Тихо кругом. Кони идут копыто к копыту, головы опустили. Хорошо Гришатке. Как-то радостно на душе. Начинает он

рассказывать Галие про Хлопушу, про царя-батюшку, потом про Тоцкое, потом про синь-даль и свободу.

Слушает девочка, словно бы понимает. А может, и понимает.

Пропадали они до самого вечера. А где ездили, Гришатка не вспомнит. Не видел мальчишка дороги. Лишь лошадиные холки. Лишь стремяна и уздечки. Да косички, косички вразлёт...

Вечером Галия взяла у Гришатки шапку и вшила ему новый верх. Правда, не парчовый, не атласный, а из простого сукна зеленого цвета. Глянул Гришатка - ну и верх! Лучше, лучше прежнего. Поклянется Гришатка, что лучше!

Наутро обоз Хлопуши тронулся дальше в путь.

Галия у дороги стояла грустная и долго-долго махала рукой.

- Прощай, Галия! - прокричал Гришатка.

- Шатка, Шатка! - приносил в ответ ветерок шепоток. - Ша-а-тка!

Глава пятая

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА

КАР-ГЕНЕРЛЛ

Роста малого. Ноги тонкие. Руки тонкие. Большеголовый. Глаза как у зайца - в разные стороны. Волосы торчком, с медным отливом. На щеке бородавка, на подбородке другая. Это Кар. Кар-генерал.

Едет Кар по завьюженной Оренбургской степи. Спешит на выручку к осажденному Оренбургу, к другу своему генералу Рейнсдорпу.

Разбить и схватить Пугачева - таков приказ генералу Кару.

Мороз. Ветер. Сидит Кар в открытом возке. Засунул руки в дамскую муфту. От мороза и ветра ежится. Растянулись походной колонной солдаты. И им на морозе холодно. "Эх, полушубки бы нам, сапоги валяные. Ради чего страдаем!"

Едет Кар, рассуждает: "При одном появлении моем разбегутся злодеи. Войско у меня регулярное. Ружья и пушки. Молодцы гренадеры. Схвачу Пугачева - новый чин и награда".

Вдруг шевельнулся легким облаком снег на горизонте. Впереди, с боков, сзади. Из снега выросли всадники. Криком и гиком наполнилась степь.

Выпрыгнул Кар из санок:

- К бою! Становись! Стройся! Пушки вперед!

Построились солдаты. Ружья наизготовку. Пушки вперед.

Все ближе и ближе пугачевские конники.

- Ух ты, несметная сила!

- Братцы, гибель пришла! - понеслось в генеральском войске.

- Молчать! За матушку царицу! Из пушек пали! - кричит разъяренный Кар.

Стрельнули пушки. Понеслись ядра и злая картечь в сторону наступающих. Молодцы пушкари, точен солдатский глаз. Да только не дрогнули пугачевцы. На месте погибших - сразу же новые, словно нет никаких потерь.

- Их смерть не берет!

- Их великие тысячи! - зарокотали снова солдаты.

- Бей, пали! Бей, пали! - не унимался Кар.

Кричит, а сам нет-нет да на санки свои посмотрит. Кони быстрые, санки легкие. В случае чего, спасут они генерала.

Еще ближе придвинулись пугачевцы. Теперь уже не только конные, но и пешие на виду. Двигутся, движутся, движутся. Не остановишь восставших рать.

- Отходи! Отступай, братцы! - понеслось по солдатским рядам. Сдавайся царю государю Петру Третьему.

Зашевелилось Карово войско. Врассыпную солдаты. Кто в плен, кто в сторону недалекого леса.

Прыгнул Кар в свои генеральские санки. Эх, эх, пропадай чины и награды!

Отъехал генерал версты три. Остановился, перевел дух. Вдруг невесть откуда появилась ворона. Поравнялась она с генеральским возком, растопырила крылья:

"Кар-р!"

"Свят, свят", - закрестился генерал с перепугу и снова плеткой коней. Да так, что дамская муфта из санок вон.

"СЛУШАЮСЬ, ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО!"

Ждал генерал Рейнсдорп генерала Кара. Не прибыл на помощь Кар-генерал.

Ждал генерал возвращения Хлопуши, не вернулся Хлопуша.

Понял губернатор, что колодник его провел.

- Русише швайн, - ругнулся.

Стал Рейнсдорп думать о том, как все же покончить ему с Пугачевым.

- Вот что. Позвать ко мне старика Кобылина.

Явился Кобылин.

- Слушаюсь, ваше сиятельство.

- Хочешь сто рублей серебром и медаль от царицы?

- Желаю, ваше сиятельство.

- Ну и хорошо, собирайся.

- Куда, ваше сиятельство?

- В лагерь к злодею.

Понял старик зачем, в глазах помутилось.

- Да я же стар! - взмолился Кобылин.

- Ничего-ничего. Так оно даже и лучше есть.

- Да я и кинжала ему в ребра не всуну.

- Не надо, не надо кинжал. Ты ему - яду.

- Яду?! Так стариковские руки мои дрожат.

- Что?! - заревел генерал. - Руки дрожат? Плетей захотелось? О, доннерветтер, всыпать ему плетей.

Понял старик Кобылин - выбора нет.

- Слушаюсь, ваше сиятельство!

ЧЕСТЬ И ПРИВЕТСТВИЕ

Вот так радостный день у Пугачева! То-то удача! И Кара разбили, и вернулся Хлопуша. Порох, ядра, пушки привез. Мортиры - целых три штуки. И привет от работного люда. Дружбу-союз с Урала. И Гришатка

вернулся. Герой! Без него - как знать, может, и не было бы здесь мортиры.

- Ну, Соколов-Сокол, уважил, уважил! Исполнил, как есть, мое государственное поручение. Ну, Соколов-Соколенок, порадовал!

Произвел Пугачев Хлопушу в полковники.

- Ну, а тебе какую награду? - обратился к Гришатке.

Подумал Гришатка:

- Мне бы, батюшка, в Тоцкое...

И вот едет Гришатка в Тоцкое. Сабля при нем. Шапка на нем. Пистолет настоящий за поясом.

Блестит, искрится на солнце снег. От яркого света глаза смыкаются. Прикрывает Гришатка глаза. Вырастает, как в сказке, Тоцкое.

Сбежался, сгрудился народ. Встречают Гришатку жители. Честь ему кричат и приветствие:

"Ура! Ура! Соколов Гришатка приехал".

"Он у царя-батюшки в видных начальниках".

"То-то будет теперь Хлыстову".

Приятно от таких мыслей Гришатке. За спиной у него сундучок. В нем полушалок для матери, сарафан для сестрички Аннушки, для дедушки Тимофея Васильевича сапоги, козловые, новые, никем не ношенные.

Справа от Гришатки казак Ферапонт Узловой, слева - башкирец. Хаким. Специально посланы вместе с Гришаткой.

Резво бегут казацкие кони. Верста за верстой, верста за верстой - все ближе и ближе родимое Тоцкое.

Вот и оно. Божий храм на пригорке. Погост. Каменный дом купца Недосекина. Каменный дом штык-юнкера Хлыстова. Мельница. Вот и замерзшая речка, речка Незнайка. Вот и Шарик бежит. Стойте, буланые, стойте! Не торопитесь. Приехали.

Радостно бьется Гришаткино сердце. Встречай, выползай из хибарок, народ!

Но что такое? Наперерез путникам выбежала группа крестьян. С топорами, с вилами, с косами.

- Не шевелись! Кто такие?

- Мы здешние, здешние, тоцкие! - закричал во всю мочь Гришатка.

Смотрит мальчик - мужики незнакомые. Обступили они приехавших со всех сторон. Вышел вперед горбоносый, в треухе детина:

- Здешние, не здешние - слазь!

Схватились Ферапонт и Хаким за сабли. Гришатка руку быстрее к пистолету. Да где тут! В один момент набросились мужики на конных. Стащили на землю. Руки за спины. Скрутили, связали.

- Тащи их, тащи к командиру! - кричит горбоносый в треухе.

Потащили крестьяне.

Вот так встреча! Вот так честь и приветствие!

"УХ ТЫ! ОХ ТЫ!"

Приволокли мужики пленников к командиру. Втащили в каменный дом к Хлыстову.

Глянул Гришатка - Вавила!

Глянул Вавила - Гришатка!

- Ух ты!

- Ох ты!

Смотрят мужики остолбенело на Вязова. Горбоносый почесал за ухом. Понимает, что вышла промашка. Видать, и вправду не тех словили.

Рассказал Вавила Гришатке, в чем дело. Вот уже две недели, как он здесь, в Тоцком. Послал Рейнсдорп дровокола в Тоцкое за продуктами.

Трудно с харчами сейчас в Оренбурге. Приехал Вязов, а назад не вернулся.

Снова, как весной, заволновались тоцкие мужики. Избрали Вавилу своим командиром.

К тоцким присоединились крестьяне соседних сел и деревень. Организовался целый отряд. Волю всем объявили. Землю барскую стали делить. А вот теперь собираются идти в Берды к Пугачеву.

- Порядок у нас строгий, - объяснил Вавила. - Охрана. Вы уж не сердитесь, что так получилось, - обратился он к Хакиму и Узловому.

- А как же Хлыстов? - задал вопрос Гришатка.

- Повесили, повесили, вздернули. Да ты-то мамку видел? Эй, позвать Соколову! - крикнул Вавила.

Прибежала Гришаткина мать, взвыла при виде сына:

- Кровинушка, родненький, дитятко!

Плачет, не верит своим глазам.

- Он, он. Он самый, тетка Лукерья, - улыбается Вязов.

Примчалась сестренка Аннушка. За ней дед Тимофей Васильевич.

За ними соседи и просто тоцкие жители. Набился хлыстовский дом до отказа.

- Гришатка, Гришатка! Ух ты! И стрижен на казацкий манер, и пистолет, и сабля, и шапка, гляди, мерлушковая!

Пришлось Гришатке до позднего вечера рассказывать всем про Берды, Оренбург и Пугачева.

Пробыл мальчик в Тоцком три дня. На могилку сходил к родителю. Вволю поплакал. Повидал своих старых дружков и приятелей. Удадь свою в стрельбе показал. Похвастал про Авзянский завод.

Но вот пора и назад к царю-батюшке.

- Вот что, - сказал Вавила. - Едем все разом.

Собралось Вавилово войско. Кто конно, кто пеше, кто в санках. Присмотрелся Гришатка. Ба - и дед Тимофей Васильевич тут же! В новых, привезенных Гришаткой козловых сапогах.

- Да куда же ты, дедушка?!

- Молчи, молчи, - оборвал старик. - К нему, к амператору. В войско казацкое.

- Да ты же старенький, дедушка.

- Эка скажешь! - обиделся дед. Тряхнул бородой. - Стар, да умел! Я еще при царе Петре Первом со шведами бился...

Но тут подбежала Гришаткина мать:

- Ах ты, старый, ах ты, глупый, ах душа твоя беспокойная! Да кто же в такой мороз и в козловых сапогах! Не смеди народ. Сиди, дед, дома.

И Аннушка вцепилась в дедов армяк.

Остался дед Тимофей Васильевич.

Уехало крестьянское воинство.

- Эх, эх! - еще долго сокрушался старик. - Как они там без меня! Хватит ли без меня у них силушки?

БОЖИЙ СТРАННИК

Вернулся Гришатка в Берды - новостей целый ворох.

- Ой, что тут было, что тут было! - докладывала ему Ненила. - Дружка твоего словили.

"Какого это еще дружка?" - подумал Гришатка.

- Ну, того, того самого, что тебя плетками драл, что в водовозах у губернатора.

- Деда Кобылина?!

- Его, его самого. Он царя-батюшку травить собирался.

Рассказала Ненила, что появился старик Кобылин в слободе под видом божьего странника.

- На молебен, все говорил, иду. Из Сибири в далекий град Киев, в Киево-Печерскую лавру. Все за нашего царя-батюшку помолиться там обещался. Я ему еще сухарей на дорогу дала и баранины кус зажарила, - призналась Ненила. - А он, ох, ох, душонка его бесстыжая, мне же в котелок, где уха для государя варилась, взял и подсыпал отраву.

- Повесили? - поинтересовался Гришатка.

- Нет, нет! Отпустил его государь. Говорит: "Ступай в свой Оренбург. Не имею на тебя зла, потому что человек ты глупый и темный. Иди и подумай". Да еще этому супостату десять рублей пожаловал. Чудной наш батюшка. К людям доверчив. Воистину царская, святая у него душа.

Пожалел Гришатка, что не к нему в руки старик попался. "Ишь ты, царя-батюшку явился травить! Да я бы его, как Хлыстова, на одну перекладину!" - совершил свой приговор Гришатка.

ПОРТРЕТ

Сидел как-то Гришатка в царевой горнице.

Взял лист бумаги, карандаш и стал рисовать портрет Пугачева.

Нарисовал коня, на коне верхом царя-батюшку. Бороду нарисовал, генеральскую ленту, пистолеты за поясом. Снизу написал: "Царь-государь Петр Третий Федорович".

Посмотрел Пугачев на портрет, усмехнулся.

- Похож, как есть похож. Мастак ты, Гришатка. - Потом подумал и произнес: - А знаешь, Гришатка, я вовсе не царь.

Вылупил Гришатка на Пугачева глаза: "Ну и шутник батюшка. Право, такое скажет".

- Не царь, не царь, - повторил Пугачев. - А простой казак Пугачев Емельян Иванович. Вот так-то, Гришатка.

Лицо у Гришатки стало глупым-преглупым. Рот по-лягушечьи разинулся до ушей. Не знает, как и принять слова государевы.

- А как же царские знаки? - потянулся Гришатка рукой к груди Пугачева.

- Знаки? - Пугачев рассмеялся. - Так это с прусской войны. Картечины эти царские знаки мне припечатали.

Провалилась под Гришаткой земля. Голова закружилась. Думал, царь настоящий. А тут казак, да к тому еще и простой. Обидно до слез Гришатке. Смотрит мальчик на шапку свою, смотрит на валенки. Выходит, и шапка не царская, не царские валенки.

Бродил в этот день мальчик по Бердам, словно в воду опущенный.

А вечером под большим секретом рассказал о словах Пугачева Хлопуше.

- Эку новость принес! - рассмеялся Хлопуша. - Вестимо, не царь. Вестимо, Пугачев Емельян Иванович. Стал бы тебе настоящий царь воевать для народа землю и волю. Эх ты, Гришатка!

Смутился Гришатка.

- Царь наш батюшка, - продолжал Хлопуша, - тем и велик, что он сам из народа и что для народа он первый заступник.

- Так, дядя Афанасий, он же не царь!

- Как так - не царь? - оборвал Хлопуша. - Кто сказал, что не царь? Настоящий он царь!

Совсем замутилась Гришаткина голова. Вот так запутал Хлопуша!

- Царь он, доподлинный царь, - повторил Хлопуша. - Только не дворянский. Мужичий он царь. Народом на царство венчан. Вождь он, Гришатка, народный. А сие выше, выше, чем царь. Понял?

- Понял, - произнес Гришатка. А сам подумал: "Выше, чем царь, - эка куда хватанул Хлопуша!"

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ДЕДА КОБЫЛИНА

- Говоришь, отпустил?

- Отпустил, отпустил, ваше сиятельство.

Рейнсдорп хмыкнул. Смотрит он на деда Кобылина. Ой, что-то не так говорит старик. Не может губернатор понять, как это так, чтобы злодей Пугачев - и вдруг отпустил подосланного с ядом к нему человека.

Рассказал Рейнсдорп о возвращении Кобылина своей жене генеральше, другим генералам и офицерам.

"Да, - призадумались те. - Тут неспроста что-то".

- Ваше сиятельство, - вдруг произнес офицер Гагарин. - А не перекуплен ли ваш Кобылин?

Все повернулись к Гагарину.

- Мысль такую имею, - продолжал офицер, - что прислан он сюда Пугачевым с целью убить вас, ваше сиятельство.

Лицо у Рейнсдорпа вытянулось.

- Что?!

- Ему, наверное, и деньги злодей подсунул.

Бросились обыскивать старика. Нашли у Кобылина пожалованные ему Пугачевым десять рублей.

- Ох, ох! - хватался за сердце Рейнсдорп. - Сквозь строй его, сквозь строй шпицрутенами. Не жалея, до смерти.

Схватили деда Кобылина, содрали до пояса одежонку.

Построили роту солдат. Погнали старика под солдатские взмахи.

Сам Рейнсдорп идет тут же, рядом.

- Признавайся! Признавайся! - кричит.

- Нет, нет моей вины, - твердит, изнемогая под ударами, дед Кобылин.
- Я ли вам не правдой служил, батюшка Иван Андреевич, ваше сиятельство? Я ли вам не слуга? Пожалей, смилостивись, батюшка!

- Молчать, молчать! Ты не слуга мне. Ты есть вор и разбойник!

- Пожалей, не губи! - стонет Кобылин.

- Так ему, так ему! Хлеще!

Теряет от боли старик сознание.

- Батюшка...

Не отзывается генерал.

И вдруг встрепенулось что-то в деде Кобылине, рванулся он к губернатору.

- Изверг!.. Губитель!..

Собрал старик последние силы, плюнул в лицо Рейнсдорпу и тут же упал как подкошенный.

Кончился дед Кобылин.

"НА ШТУРМ! НА СЛОМ!"

Приказ к штурму был дан неожиданно.

Вечером над Бердами стал подыматься туман. Разлился, разошелся он в разные стороны. словно кто из огромной бадейки хлестнул молоком по степи.

- Готовьсь! Готовьсь! - понеслось от землянки к землянке, от избы к избе.

Зашевелилось, задвигалось пугачевское войско. Заржали, почуяв скорое дело, кони. Заиграли трубы и дудки. Забегали сотники и командиры.

Пользуясь темнотой и туманом, подтянули пугачевцы мортиры и пушки к самым стенам Оренбурга. Пугачев расставлял войска. Конных в засады, пеших за земляные выступы и в овражные пади. Перед пушками приказал из каменных плит выложить защитные стенки. Сам проверил готовность орудий.

Зарумянилось небо, стал голубеть восток. Туман отступал, неохотно потянулся в низины.

- Начинай с мортир. Пали! - скомандовал Пугачев.

Мортиры навесным огнем плюнули первые ядра. Залп, второй, третий.

- Так их, так их! Молодцы, детушки!

- Жарь, не стой!

- Целься! Ура! Ух ты, в дом к самому генерал-губернатору.

Гремит, захлебывается, рассыпается дробью барабанный бой над стенами крепости. Палит караульная пушка. Переполох и смятение в Оренбурге.

- Не трусь, не трусь! - кричат офицеры.

- Солдаты, равняйся!

- Канониры, к орудиям!

Тем временем Пугачев вывел из укрытия первую группу своих казаков и башкирцев. Рванулись они к крепостному валу.

- На штурм! На слом! - кричит Пугачев.

Вить, вить! - встретили их солдатские пули.

Бах! - врезалось в самую гущу ядро.

- Смелей, смелей, детушки! - подбадривает наступающих Пугачев. - Нам ли под пулями гнуться?! Нам ли шапки снимать?! На штурм! На слом! По-соколиному!

Подбежали наступающие к валу, залегли за откос горы. Передохнули. Дали залп по защитникам. Поднялись в полный рост и с криком двинулись дальше.

Бросился Пугачев в атаку, да с малыми силами. Поняли это оренбургские офицеры. Открыли городские ворота. Стал заходить солдатский отряд в тыл Пугачеву. А сверху, увидев подмогу, подняли такую пальбу, что даже вал содрогнулся.

Ясно Пугачеву, что победы не будет.

- Назад, назад отходи, детушки!

Отхлынули пугачевцы. Отошли за Яик в безопасное место.

НЕНИЛА ВСПЛЕСНУЛА РУКАМИ

Всю эту ночь Гришатку пугали страшные сны.

То вдруг явился генерал Рейнсдорп с трубкой в руке и снова бил Гришатку по темени. Потом появилась тетка Степанида. Она снова кричала: "Ваня, Ванечка!" - обнимала и прижимала к себе Гришатку.

Затем неожиданно всплыл губитель Гришаткиного отца - офицер Гагарин.

Гагарин не один, вместе с солдатами. Вскинули солдаты ружья, направили на Гришатку.

"Пали!" - командует офицер.

Гришатка вскрикнул, заметался во сне. Подошла Ненила.

- Дитяtko, дитяtko, не жар ли с тобой? На бочок, на бочок повернись, дитяtko.

Мальчик успокоился, но вскоре началось все снова. Опять Рейнсдорп, опять Степанида, снова Гагарин. И вдруг - Пугачев:

"Кто забижает Гришатку?"

Исчезают Рейнсдорп и Гагарин. Остается одна Степанида. Смотрит мальчик, а то вовсе не Степанида, а Гришаткина мать.

"Царь наш, заступник!" - бросается женщина к Пугачеву. "Не царь он, не царь, - кричит Гришатка, - а простой казак Пугачев Емельян Иванович!"

Лицо Гришаткиной матери становится строгим, смотрит она на сына укоряющим взглядом.

"Царь он, царь он, Гришатка!"

И вдруг врывается голос Хлопуши:

"Царь он народный! Вождь и заступник!"

И снова голос Гришаткиной матери:

"Вождь и заступник!"

Гришатка проснулся. Стоит у постели Ненила.

- Дитяtko, я кашу тебе приготовила.

Вскочил Гришатка:

- Тетка Ненила, а где... где царь-батюшка наш?

- Уехал, уехал, Гришатка, Оренбург с казаками уехал брать.

В это время на кухню к Нениле ввалился еще по первой встрече знакомый Гришатке казак, тот высоченный, с серьгой в оттопыренном ухе.

- Сей минут из-под Оренбурга. Ух и сеча! Ух и сеча! Сам царь-батюшка водил казаков и башкирцев на приступ. Людишек много, оружия мало у нас. Неосторожен царь-государь. В самое пекло лезет. Ты, Ненила, доглядай за Гришаткой, наказал император.

- Ох, ох! - вздыхала Ненила. - Тут-то догляжу. Как они там, родные?

Принялась Ненила угощать казака варевом. А Гришатка незаметно полушубок на плечи, пистолет из-под подушки за пояс и на улицу - шмыг.

Подбежал он к коню, на котором прискакал казак из-под Оренбурга. Ногу в стремя, на спину - скок, пятками в лошадиное брюхо - трогай!

Взвился лихой скакун с места галопом.

Выбежали казак и Ненила.

- Стой! - закричал казак.

- Ох ты, дитятко! - всплеснула руками Ненила.

"КРОВИ ЧАСТИЦА НАРОДНОЙ"

К исходу дня Пугачев начал новую атаку на Оренбург. На сей раз в конном строю.

- За мной, детушки!

Взяли казацкие кони в карьер. Вмиг промахнули открытым полем.

Вот и ров, вот и вал.

- На штурм! На слом! - привстав в стременах, кричит Пугачев.

И снова градом навстречу картечь, снова несмолкаемым гулом бабахнули ружья.

Ударил пуля Пугачева в левый рукав - отлетел клочок от полушубка, словно перо из птицы.

Ударил другая пуля в правый рукав - обожгла чуть повыше локтя.

- Не трусь! - кричит Пугачев. - Дело святое, правое. Смерть не страшна. Слазь с коня! Валом кати на вал!

Однако казаки не успели выполнить приказ Пугачева. Сверху, с вала, посыпались на пугачевцев солдаты. Врезались они в ряды конных, разыграл рукопашный бой.

Заработали казаки пиками, саблями. Крошит Пугачев солдат. Не подставляй головы, береги плечи! Удар у Пугачева пудовый. Сабля острая. Раз - взмах, два - взмах! Не шути с государем.

- Емелька! Это Емелька! - кричат царские солдаты и, словно к магниту, лезут к отважному всаднику.

- Неразумные! Сирые! - кричит Пугачев. - Так-то своих встречаете?! И снова саблей во весь богатырский мах.

Бьется Емельян Иванович, мышцы как сталь, лицо в напряжении. Зрачки как маятник - в разные стороны бегают. На взлохмаченной бороде сосулька повисла.

Метнул Пугачев глазами налево - рядом верхом на коне Гришатка.

- Прочь! - взревел Пугачев. - Откуда ты, глупое! Эй, казаки, оттащить Гришатку в безопасное место!

Собрался Гришатка отъехать подальше от Пугачева, да вдруг заметил, как из-за крепостной стены из-за огромных бревен высунулось бородатое лицо солдата. Поднял солдат ружье, целит прямо в грудь Пугачеву.

- Берегись, берегись, государь!

Однако Пугачев то ли не услышал Гришаткиного крика, то ли не понял, в чем дело. Как был, так и остался на старом месте.

Сощурил бородатый солдат левый глаз. Момент - и нажмет на ружейный курок.

И вдруг Гришатка что есть мочи ударил коня. Дернул за узду так, что у лошади в губах кровь проступила.

Взмыл, привстал конь на задние ноги. Прыгнул вперед, заслонил Гришаткой и собой Пугачева.

Свистнула солдатская пуля. Ударила мальчика. Выпустил Гришатка из рук поводья. Осел, словно кто к земле потянул. Качнулся и рухнул с коня на снег.

- Гришатка! - закричал Пугачев. Он рванулся к мальчику, спрыгнул на землю, подбежал. - Гришатка, Гришатка!

Враз несколько казаков окружили Гришатку и Пугачева.

- Дитятко, - тормошит Пугачев Гришатку. - Дитятко!

Смотрит мальчик полузакрытыми глазами на Пугачева, смотрит, ничего не видит, не слышит. Не дышит Гришатка. Отжил, отгулял свой недолгий мальчишеский век Соколов-Соколенок.

- Гришатка! Гришатка! - кричит Пугачев.

Расстегнул Пугачев полушубок Гришаткин. Рванул залитую кровью рубаху - у самого сердца рана навывлет.

Вдруг что-то зашуршало в руках Пугачева. Потянул он - бумага. Развернул - пугачевский портрет, тот самый, что рисовал как-то Гришатка. Конь. Пугачев. Генеральская лента. Пистолеты за поясом. Снизу надпись: "Царь-государь Петр Третий Федорович". Только надпись теперь перечеркнута. И вместо старой поверх нее новая - во весь разворот листа: "Пугачев Емельян Иванович - вождь и заступник народный".

- Дитятко! Сокол! - взревел Пугачев. - Крови частица народной. Кровушки. - И слеза, огромная слеза, размером в горошину, поползла по заросшей щеке Пугачева и тут же, застыв на морозе, повисла серебряной, стонущей каплей.

ПОЛЕ, ОГРОМНОЕ ПОЛЕ

Поле, огромное поле. Только что вырытая в промерзшей земле могила. На краю ее - маленький гроб с Гришаткой. Вокруг - огромной толпой притихшие люди.

- Упокой, господи, душу новопреставленного раба твоего, отрока Соколова Григория, и сотвори ему вечную па-а-амять! - вытягивает прощальную молитву священник Иван.

Он, по привычке, в поповской ризе поверх тулупа. Только лицо на сей раз не ястребиное, не строгое. Как-то сморщилось лицо у попа Ивана. Служит он панихиду, а сам нет-нет да носом потянет. Забывается нос, в глазах проступают слезы.

И голос сейчас у него тихий, и губы почти не шевелятся, словно бы вовсе и не он те слова произносит, а льются они откуда-то сами и несет их ветер из дальних далей.

Поп Иван подает команду. Все медленно опускаются на колени и, сотрясая притихшую степь, трижды повторяют за священником:

- Вечная па-а-амьять.

Четверо казаков поднимают гроб и опускают его в могилу.

По приказу Пугачева гремит прощальный салют из пушек.

Опять тишина, и вдруг!..

- Гришенька, родненький! - взорвал немоту плачущий голос Ненилы.

- Дитятко, сокол! - крик-стоном метнулся хрип из груди Хлопуши.

И следом сотни людей:

- Ушел, ушел! Улетел! Закрылись очи твои соколиные.

- Детушки, детушки, - перекрыл человеческий плач дрогнувший бас Пугачева. Он пробился к самому краю могилы, поднялся на бугор из открытой земли. - Неверно. Неверно! Жив он, жив Соколенок! Соколам вольное небо. Ширь им, простор им и вечность. - Пугачев вскинул руки, простер их вверх в синеву, к небу. - Здесь он, здесь он, наш Соколенок!

Все невольно подняли головы к небу. И хотя не было там ничего, но всем вдруг ясно представилась вольная птица. Она кружилась, махала крылом, издавала призывные крики. Она то взмывала, то падала вниз и манила, манила людей...

А голос Пугачева крепчал и крепчал, наливался медью, гудел, словно колокол в час набата.

- Соколам вечная слава! Соколам жить да жить! Не забудет смелых русский народ. Внуки и правнуки нас не забудут.

Люди притихли. Хлопуша вытер слезу рукавом.